

Н.В. ЗАХАРОВ

ЖУЛИКИ

КНИГА ПЯТАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Захаров
Жулики. Книга 5

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Захаров Н.

Жулики. Книга 5 / Н. Захаров — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В книге описаны события, произошедшие, по мнению автора, в девяностых годах 20-го века. «Лихие девяностые» со стрельбой и погонями переплетаются с прошедшими временами, не менее «Лихими». Все совпадения имен персонажей с реально живущими людьми совершенно случайны. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Глава 1

В пирамиде ничего не изменилось, по-прежнему сновали "прапора", подметая и утилизируя пыль, а в конференц-зале, очищенном ими от сундуков, висела привычная тишина.

– Значит еще и в Бомбей теперь предстоит наведаться?– Серега прошел к аппаратуре и включил пульт.

– А тебе не хочется?

– Ну, почему же? Любопытно будет взглянуть. Смотаемся. Только сначала домой в Питер и хоть недельку отдохнуть дадим моей шее.

– А что с ней?– притворно удивился Мишка, а Серега возмущенно сверкнул глазами:

– Сломали ее сегодня, блин.

– А-а-а! Это реакция у тебя хреновая. Я вот руку успел подставить и обошлось.

– Реакция! Повезло просто тебе обормоту. Хреново аркан метнули. Пацан, пади, и кинул, которого ты потом пожалел?

– Не спрашивал я, кто там его кидал. Какая разница? Ну, хоть и он?

– Да, без разницы, конечно,– Серега потер шею.– Домой?

– Погоди, успеем. Я вот что вспомнил. Мы за этой всей беготней кое-что забыли, а вот сейчас вдруг вспомнилось ни с того ни с сего.

– И что?

– Здесь в Сибири три пирамиды задекларировано. Во, какое словцо! Где еще две?

– Действительно, я тоже припоминаю, что про три говорилось. Нашли мы эту, и она нас настолько ошарашила, что мы про две еще и забыли на фиг. Ну-ка Алевта сейчас дернем,– Серега застрекотал клавишами.

Алевет зарябил с экрана своим свитером пестрых, попугайных расцветок и, улыбнувшись, прогудел в седую бородищу:

– Рад вас видеть, корефаны.

– И мы. Скажи, Ал, где находятся еще две пирамидки типа этой, но поменьше?

– Вопрос понятен. Отвечаю. Так рядом, рукой подать. Это один комплекс. А попасть туда можно по транспортным туннелям. По любому из шести. В два плевка.

– Почему не поставили нас в известность об этих объектах?

– Не спрашивали, вот и не ставили,– резонно возразил, расплываясь в улыбке Ал.

– Покажи, что там они из себя представляют. Назначение основное их и ну... Интерьер, конечно.-

Пирамиды оказались вдвое меньше Главной и располагались последовательно одна за другой в сторону от правильного квадрата, выписанного водами Сухой Тунгуски.

Одна из пирамид являла собой маленький заводик с десятком цехов, а вторая являлась складом готовой продукции и сырья.

– И что за продукцию выпускал этот заводик?– спросил Мишка.

– Понял, отвечаю. Вот списочек извольте глянуть. Все что на складах, от туда, блин,– Ал опять блеснул улыбкой.

– Та-а-ак! А система безопасности? Собственная что ли?

– Нет, общая. На схемах она обозначена, как система объектов под индексами, вот вы и не обратили внимания, даже включив в общую систему профилактических мероприятий.

– Смотреть будем, Миш?– Серега вопросительно взглянул на Мишку.

– Достаточно на сегодня,– Мишка оторвал взгляд от экрана.– Успеем. Куда они на фиг денутся? Тысячи лет стояли, постоят еще недельку. Поехали домой.

"Неделька" как-то не заметно вытянулась в целый месяц и жизнь повседневная, современная так закрутила, что однажды/ опять же сидя на кухне у Федора Леонидовича/ Мишка

на "общем собрании" всех посвященных посетовал, что совершенно замотался, а ведь откладывать надолго ревизию объекта в Афгане нельзя.

– Предлагаю всем туда смотаться, Леонидович, тебе-то больше всех должно быть интересно, на шедевры взглянуть. Вон, тигр-то с лошадьёю стоят, а там таких тысячи. А картины мы с Серегой вообще не смотрели. Ну а для нас главное систему контроля проверить и попробовать пройти на нижние уровни. Там ведь пирамида перевернутая. Сколько, Серега, уровней?

– Чего спрашиваешь? Любимая цифра допотопников, само-собой разумеется. Интересно куда выходят основные лифты? Я прикидывал по плану, получается где-то в районе городка Мазари-Шарифа.

– Как же тогда их до сих пор там не обнаружили?– удивился Академик.

– Глубина большая, а городок низкоэтажный, ну а выход видать завалило во время катаклизма всемирного. Потопа, я хотел сказать,– Серега озвучил первую пришедшую ему в голову версию и Федор Леонидович, взглянув на него, пожал плечами.

– Мне, молодые люди, конечно же, интересно взглянуть на все эти шедевры, но в последнее время что-то и меня закрутило в 18-ом. Петр Павлович просто деспот. Сам покоя не знает и нам не дает.

– Вы меня уж простите, Федор Леонидович, но без вас там никак. Пока эти "хроники" еще нам на шею три пирамиды умудрились повесить и целый Гугол металла рыжего, мы-то, что особенного сделать с вами успели?– хмыкнул сочувственно Петр Павлович.

– Как знать. Что важнее? Тонны эти или люди, которые сейчас в 18-ом технологии 19-го и 20-го осваивают? Мы цвет нации создаем. Мировоззрение определенное формируется. Благодаря ему, может быть, здесь и сейчас мы сидим за столом а не на "пеньках горелых", как точно охарактеризовал негативные последствия Евлампий Силиверстович.

– А я что?– Силиверстович сконфузился от комплимента Академика.– Мои сапожники развернулись так, что сам удивляюсь. Этот-то матросик, просто чудо какое-то. "БЫЛЬ". Даром что увечный, а одной рукой за троих успевает. Ну, и кузница тоже можно сказать получилась отменная в Останкине. Иванович-то, который с носом покалеченным пришел, просто Левша. Ей Богу. Ну а пирамидку, вновь открытую, мне тоже любопытно посетить. Собираемся всем коллективом и на пикничок на пару деньков. Кто за? Все. Я так и думал. Катюша, ты как себя чувствуешь?

– Не беспокойтесь, дядюшка,– улыбнулась Катюша.– Очень хорошо чувствую себя. Как с Мишаней съездила на море, так просто замечательно.

– А как тебе море?– заинтересовался Силиверстович, не знавший о морском вояже.

– Море!– восхищенно произнесла Катюша.– Только уж больно многолюдно и все в неглиже,– покраснела она и засмушалась.

– Нам пришлось снимать отдельное бунгало со своим маленьким бассейном. На людях в море Катюня стеснялась купаться,– пояснил Мишка.– Я ей даже предлагал уходить на берега дикие, где редко кто бывает, но там глубоко, а она пока плавает плохо. Зато в бассейне этом днями целыми сидела. Мелко и вода теплая. Не выгащить было. Даже покушать,– Мишка засмеялся, а Катюша укоризненно на него посмотрела.

– Ну вот, все семейные тайны и выболтал, ну что за мужик нынче пошел, ничего им доверить нельзя, языком метут, ровно метлой машут.

– Это я метлой?– возмутился Мишка.– Ну, Катюшка,– погоди! Ужо я за тебя возьмусь, забыла, что в писании сказано? "Да убоится жена мужа своего".

– Так я и боюсь,– сразу сдалась Катюша, схватив Мишку за вихор и растрепав ему всю прическу. А потом извинилась.– Я больше не буду, прости меня, пожалуйста, суженый.

– Ну и лиса, ты Кать, прямо веревки из меня вьешь,– Мишка обнял жену за плечи и чмокнул в курносый нос.

– Мы вам не мешаем?– полюбопытствовал Серега.

– Ну, что ты, Серега, сиди. Чего там. Ну, приперся ты не вовремя, ну хамишь, ну выглядишь, как обормот – так это ничего. Мы уже привыкли. Ты бы вот лучше документами озаботился. Загранпаспорта, ярлыки и прочие бумажки. Вдруг нам придется выходить в тот же Мазари-Шариф. Ты, кстати, не забыл, что обещал бумагами обеспечить Халифа-горшечника бывшего?

– Я помню и у меня все на мази. Знал бы ты, сколько я макулатуры перелопатил за последний месяц, Омар, ты бы заплакал. А от техдокументации просто голова опухла. Я такой сканер нашел у допотопников, просто блеск и размер портативный, вот с собой припер, – Серега выложил на стол пластиковый прямоугольник, размером со среднюю книгу.

– Весит 200 грамм, а копии снимает с чего угодно в полевых условиях. Причем цвет ему по барабану. Один к одному выдает. Самоподзарядный. Прямо из атмосферы все сосет, даже краску сам постоянно пополняет за счет химии воздуха. Чем воздух грязнее, тем быстрее восстанавливает нужное количество. Кроме того снимает копию с волокон бумаги и упорядочивает рабочую под образец. Вот, например, возьмем хоть денежку, –

Серега вынул из кармана банкноту пятисотрублевую и, открыв крышку, сунул ее в сканер. – Вот так, крышка закрыта, значит, включился, сейчас копия выскочит, – сбоку отползла вверх пластина и на стол выпала та же купюра, даже надорванная слегка с одной стороны.

– Да это она и есть, – Мишка взял банкноту в руки и принялся внимательно рассматривать. – Знаки водяные, как положено.

– Она говоришь, ну тогда получи еще одну, – улыбнулся Серега, пододвигая к нему очередную купюру выпавшую на столешницу. – Одну единицу в минуту лепит, если материал похожий. Если просто газетным листом зарядить, то пока выбелит, пока волокна сформирует, пока пузыри воздушные составит и краской облепит, минут пять требуется. Ну и долго большого формата документы изготавливает. Ну, если вдвое или втрое сложены. Тот же ярлык, он ведь длинный, до метра бывает, вот пока он его отсканирует, пока нужную длину выполнит, ну и так далее, тогда и час времени требуется. Но это самый трудный вариант. Потому что, во-первых, ограничено приемное устройство, тут всего пару сантиметров по высоте, а во-вторых, на пределе все емкости работают, ну там... краско-образующие и т.д.

– Удивил! – Петр Павлович взял очередную купюру и сравнил с той, что выскочила до нее.

– Номера одинаковые, только так и можно определить, что не настоящие. Дай-ка подлинную, – Петр Павлович долго и придирчиво рассматривал все купюры и спросил:

– Детектором не проверял? Ну, купюродетектором?

– Из любопытства пару с сотни баксов шлепнул и в обменник зашел. Попросил только проверить. А там такая мымра сидела, заартачилась, что, дескать, они тут не бюро добрых услуг и что если без намерения обменять, то они такие услуги не оказывают. Ну, я и плюнул. Меняй, – говорю.

– Ну и как?

– Нормально все прошло, даже и сомнений не вызвало, только настоящую вернула мымра, сказала, что ветхая и что есть специальная касса где "ветошь" эту можно по заниженному курсу поменять.

– Не понял, как может так быть? Ты же с нее копии снял и ее же не взяли?

– Ну да, понимаешь, Павлович, я ее когда вынимал из прибора, то дернул резко и уголок надорвал, ну папиросной бумагой подклеил, а эта ненормальная прикопалась.

– Дурдом. Это, значит, ушли в обращение три купюры с одинаковыми номерами?

– Да, плохо конечно, но для того чтобы им встретиться случайно, да еще при этом попасть в руки какого-нибудь полицейского, который фальшивыми деньгами занимается... Вероятность один к миллиарду, так что беспокоиться, я думаю, особенно не стоит, – беспечным тоном,отреагировал Серега.

– Все равно, давай, чтобы это было в последний раз,– Петр Павлович взял в руки копии и, порвав их на мелкие клочки, выбросил в мусорное ведро.– Пусть Резервная Федеральная Система США сама эту работу выполняет. И наш Центральный Банк.

– Петр Павлович,– расстроился Серега,– вы настоящую выкинули, а вот отсканированная осталась.

– Как ты определил?– удивленно взглянул на него Петр Павлович.– Они же одинаковые?

– Настоящая надорванная была и перегнутая, а у копий то же самое, но нарисовано и что бы совсем не отличить было, нужно на копиях сгибы повторить и надрывы сделать.

– Ну-ка,– Петр Павлович схватил купюру и принялся ее рассматривать.– Как же я не заметил-то?

– Да я и сам сначала не замечал, пока совсем рваненькую грамотку не пришлось копировать.

– Ну, извини тогда. С получки отдам. Как же ты теперь-то? Последнюю, пади, денежку твою в мусор выбросил?– подмигнул Петр Павлович Сереге.

– Ну да, натурально последнюю,– подтвердил Серега горестно.– Мишка за командировку зарплату зажал, говорит, возьми в пирамиде сухим пайком. А ему уже тысяч пять лет, как срок годности истек. Хорошо хоть Нина Андреевна подкармливает. Помер бы уже с голоду.

– Бе-е-едный,– пожалела Серегу Катюша.– Ты к нам тоже заходи, я тебе, что-нибудь всегда со стола в торбочку брошу. Как-нибудь общими усилиями от голодной смерти спасем.

– Хорошо здесь у вас,– вздохнул Серега и растянул рот до ушей.– А можно я у вас останусь? Постелите где-нибудь у батареек коврик. Ем я мало. Вы и не заметите.

– Но, но, Серый, размечтался,– фыркнул Мишка.– Сегодня, пожалуйста, все равно завтра на пикничок собрались, а потом чтобы, после Нового года особенно, как только на часах 22.00 и чтоб духу твоего тут... Сам понимаешь.

– Понимаю,– вздохнул Серега.– Брат ты мой во Христе, Омар Хайям Гиясаддин Обул Факт ибн Ибрагим.

– Женись, Серега – это я тебе как, Обул Факт советую, тогда и на коврики чужие не нужно будет проситься.

– Не дождетесь,– сделал гордое лицо Серега.

– Просто ему пока не повезло свою, Богом данную, встретить,– вздохнула Катюша.– Вот встретит и тогда на своем коврике, под своей батареекой будет ночевать. А если ласковая попадет, то цепочку подлиннее будет привязывать и косточку сахарную в мисочку всегда положит.

– Эх! Муж и жена... Два сапога пара,– махнул рукой Серега.

Пирамида произвела впечатление на всех, а особенно на женщин, которые испуганно оглядывались, как будто кто-то мог вдруг нагрянуть и выдворить их, как влезших без разрешения на чужую территорию.

– Будто вышли все куда-то, а мы тут без спроса шляемся. Сейчас придут и погонят в шею,– высказала общее ощущение Агафья Тихоновна. И шарахнулась от выскочившего "прапора", схватившись за сердце. А тот, проскочив мимо, тут же облизал всем обувь щупальцами и довольно заурчав, умчался дальше по коридору и юркнул в стеновую нишу.

– Это уборщик, совсем забыли вас предупредить. Они безобидные и Серега их "прапорами" окрестил,– успокоил женщин Мишка.– Только у этих конечностей побольше в отличие от прототипов, ну и не воруют они в отличие от настоящих. Извините, забыли предупредить.

– Ох, Мишань, говори сразу, о чем еще не успели предупредить. Какие страшилища тут еще водятся?– Тихоновна произнесла две эти фразы, испуганно озираясь.

– Все, больше ни каких. За исключением "Троянов" конечно, но они копии с настоящих, поэтому напугать не должны. Ну и потом они слушаются. Если что, гоните их от себя.

– А вон та змейка, проползла по коридору которая – это тоже "Трояна".– Тихоновна успокаивалась и начинала осваиваться, осматривая стены и двери.

– Какая змейка?– Мишка обеспокоенно завертел головой.– Большая?

– Да не особенно чтобы уж, с метр всего,– Тихоновна провела рукой по узорчатым стенам.

– Та-а-к! Всем активировать "Завесы". Змей "Троянов" у нас я не видел и не активировал.

А ты, Серега?

– И я. "Ванька", ко мне!– все принялись лихорадочно хлопать в ладоши, а из стеновой ниши выскочил "бугор" местной обслуги и замерев перед Серегой, отсалютовал передней конечностью.

– Прибыл по вашему распоряжению,– браво доложил он.

– Что здесь за змеи ползают у тебя, Ванюш?– Серега так же как Мишка завертел головой.

– Так точно есть несколько особей.

– Сколько на всех уровнях и блоках?

– Всего двести сорок восемь штук,– браво отчеканил число змей "Ваня".

– И каких?

– Гремучая змея.

– Это которая с погремушкой на хвосте?

– Так точно, она самая.

– Почему не выдворяете?

– Системой безопасности не предусмотрено выдворение флоры и фауны.

– Змей, крыс и мышей с этого момента выдворять вон и места проникновения замуровывать, летучих мышей и насекомых тоже. Как понял распоряжение?

– Понял. Разрешите выполнять?

– Разрешаю.– "Ваня" развернулся и рявкнул на весь коридор:– Выполнять, мать вашу,– и из ниш стеновых полезли пауки. Мишка даже удивился их количеству.

– Сколько их на всю пирамиду, Серега?– спросил он.

– Примерно столько же, сколько и змей. Две с половиной сотни. Быстро управятся,– Серега удовлетворенно хмыкнул, наблюдая поднышающую суету.

А пауки понеслись по коридору, принохиваясь ко всем щелям и запуская в них щупальца. В течение пяти минут мимо стоящих людей уже пронеслось не менее десятка с прихваченными и обездвиженными змеями.

– Бр-р. Хорошо, что бабуля внимание обратила. Цапнула бы такая сволочь за ногу. Не будешь же тут в "Завесе" все время находиться, а вон Катюше вообще нельзя. По инструкции. Эсэсовцы запретили,– Серега озабоченно посмотрел на Катюшу.

– Может, отправим ее домой от греха? Вдруг последствия действительно негативные для ребятишек потом обнаружатся?– предложил Академик заботливо.

– Да, да, Катенька,– засуетилась Нина Андреевна.– Пока эти пауки змеек выловят, вернитесь с Мишаней. Как только доложат, что всех прибрали, так мы вам сразу и позвоним.–

Пришлось Мишке вернуться с Катюшей в дом на набережной и ждать до вечера, возвращения всей честной компании, потому что по телефону ему несколько раз звонили и сетовали, что "прапора" никак не могут вытащить пару десятков "погремушек".

– Норы глубокие у паразиток,– вздыхал виновато в трубку Серега.

– Так может их не выдворять живьем, а зачистить, да и всех делов? В своем же времени находимся? Да и пастухам нашествие змеиное, я думаю, не понравится. Сразу двести если поползут по Мазари-Шарифу. Это же паника начнется.

– Хорошо, я дам команду уничтожать. Но сегодня уже вам лучше здесь и не появляться, да и мы здесь ночевать не собираемся, хотя Леонидовича, если насильно не увести, то он и спать не ляжет. Уже десятый саркофаг опустил и прямо как ребенок с этими экспонатами.

– А что со входом парадным?– поинтересовался Мишка.

– Нашли. Но он по плану точно расположен под этим самым Мазари-Шарифом и знаешь что наверху? Даже не пытайся угадать. Мавзолей этого самого Благочестивого Халифа Али. Так что пока там, наверху его будут почитать как святого, никто не полезет с раскопками.

– Ты забыл, что даже захоронение Тимура Амира вскрыли. Иосиф Виссарионович распорядился, – возразил Мишка.

– Ну, так у нас большевики были у власти, а здесь им в ближайшие лет пятьсот ничего не светит.

– Думаешь? А вдруг. – Мишка улыбнулся, представив лицо друга, а тот возмущенно зашипел в трубку.

– Зуб даю.

– Ну, если зуб. Тогда ладно, – Мишка отключился и поделился информацией с Катюшей:

– Сегодня нас с тобой не приглашают. Говорят, что скоро сами уже вернутся.

– Да и ладно. Завтра посетим место сие, – улыбнулась ему она.

Вернулись "туристы" усталые, но довольные. Особенно Академик, сиял и приташил с собой несколько, особенно впечатливших его экспонатов.

– Я это завтра обязательно верну на место хранения, – оправдывался он перед всеми. – Я понимаю, что там климат-контроль и все такое. Но за несколько часов думаю, ничего с ними не случится. Вот и лошадка с тигром больше месяца стоят и ничего.

– Да что вы, Федор Леонидович, да кто же против? – Петр Павлович с любопытством рассматривал две вполне нормальные на вид книги в кожаном переплете, с вытесненными на нем значками и рисунком восходящего из-за гор солнца. Книги выглядели так, будто отпечатаны и переплетены только что.

– Это что же допотопные?

– Да! – руки у Федора Леонидовича тряслись от волнения. – Представляете, там целая библиотека, в несколько сотен тысяч томов. Господи это же какое сокровище. Что там золото и платина. Химия. А тут... Куда там Александрийской библиотеке или Иоановой.

– И про что вот в этой? – поинтересовался Петр Павлович, раскрывая книгу и разглядывая непонятные значки столбцами тянущиеся сверху вниз.

– Мне Филя – "Троян" – воробушек, начирикал пару страниц. Это стихи. Был у них поэт знаменитый. Тут и портрет его имеется, – Федор Леонидович распахнул корку переплета с обратной стороны и, на Петра Павловича взглянуло мужское лицо с пронзительно-синими глазами и сжатыми в тонкую линию губами под горбатым носом.

– На грузина похож. Чернявенький. И как имя у этого поэта? О чем пишет?

– Имя у него просто превосходное. Ниспровергатель. Псевдоним конечно. А пишет все о том же о, вечном. О Вере, Надежде и Любви, –

Петр Павлович попробовал представить этого человека изображенного на портрете живым и Ниспровергатель подмигнув ему глазом, растянул губы в приветливой улыбке. От неожиданности Петр Павлович, чуть книгу не выронил из рук, а поэт допотопный опять открыл глаз и поджал губы в тонкую, суровую нить.

– Голографическая техника изображения, – пояснил Федор Леонидович, увидев поползшие удивленно брови Петра Павлович. – Я вообще выронил томик, когда этот эффект обнаружил. Впечатление абсолютно живого лица. У нас уже эту технику тоже начали осваивать.

– Пять тысяч лет, а сохранность, как будто только что из типографии, – поразился Петр Павлович. – А что это у них фотография автора в конце книги?

– Это не конец – это начало. И читать нужно снизу вверх и справа налево. Абсолютно зеркально. Все наоборот. Правда, у нас арабы справа налево читают, но сверху вниз. Японцы свои иероглифы рисуют столбцами, но опять же сверху вниз. Тут абсолютно все не так, как в нашей цивилизации. Ной, очевидно, не только противником технического прогресса был, но

и противником образования, как источника этого, "губительного", по его мнению, для людей, прогресса. И пришлось его потомком все с белого листа начинать.

Глава 2

– А это тоже стихи?– подскочил к Академику Серега и, взяв в руки вторую книгу, принялся ее листать.

– Нет – это проза и без портрета автора. Аккуратнее, ради всего святого,– всполошился Академик.

– И про что?– Серега вернул ему книгу и, взяв томик со стихами Ниспровергателя, принялся разглядывать портрет автора, даже подмигнув в ответ.

– Знаете, Сергей, я очень удивился, но книга эта о временах довоенных. И даже о тех временах, когда весь континент состоял из множеств суверенных княжеств, и все они между собой постоянно конфликтовали. Заметьте, не воевали, а именно конфликтовали. Настоящие войны там начались с приходом этого Рефилюца. Он ведь сначала под себя одно княжество прибрал, потом второе. Объединил их, мозги прочистил и напал на третье. Свободу понес, Равенство и Братство.

– И что в этом плохого?– пожал Серега плечами.

– Вот и тогдашние подумали так же. Поэтому многие его поддержали. Лет за пять Он уже федерацию автономий из десятка бывших княжеств образовал и только тогда забеспокоились остальные княжества, и то только те, что рядом оказались. Пограничные. Объединяться во временные союзы стали. Гонка вооружения началась, да такая поспешная, что за пару десятилетий от лука со стрелами до танков.

– Да ну?– не поверил Серега.

– Так написано.

– Мало ли чего напишут. Историческую хронику посмотреть можно и сравнить.

– Ты забыл, кто последние несколько сот лет эту хронику редактировал? Эсэсовцы. Верить ей абсолютно тоже нельзя. Под себя историю переписывали,– возразил Федор Леонидович.

– И что потом? Ну, гонка?

– Федерация автономий оказалась в этом смысле разворотливей. Все от них шло. Княжества, численно превосходя, догоняли разве что. А эти расширялись. Политику же осуществляли "Разделяй и властвуй". Натравливали княжества, создавая конфликтные ситуации. Оружием обеспечивая и тех и других, а потом приходили и ослабленных войной добивали. И расширялись дальше. При этом миротворцами выглядели. Лет за 50-т, постоянных, мелких войн, прибрали под свое крыло половину княжеств бывших. Естественно Равенство, Братство и Свободу провозглашая. Ну, а потом была и последняя война, та самая "десятидневная", которая потрясла мир. И вот на ней-то, в последние дни и проявилась сущность Рефилюца. Увидев, что Федерация проигрывает по всему фронту, он заявился лично и сжег всех. Безжалостно и своих, и чужих. Огненные шары пустил по всему фронту и превратил сцепившиеся армии в груды обгорелых скелетов. Да вы сами видели реконструкционную эту "фильму". С героической патетикой. Леро этот к скале прикованный, ну и прочая мура, вроде буденовок чугунных. А потом началась эпоха "застоя". И закончилась потопом.

– Мрачно как, Федор Леонидович, вы все это расписали. Что же, по-вашему, лучше было бы, если бы победил Союз княжеств? Красные эти?

– Нет. Было бы то же самое. Имена другие бы звучали, а результат был уже predetermined. Вместо Федерации автономий, был бы Союз княжеств, а вместо Совета Старейшин – Совет Князей. Разницы большой я не вижу. Так или иначе, но континент становился одним большим Государством. С последующим периодом "застоя" и как результат-потоп.

– Фу ты! А что-нибудь третье могло быть?

– Только теоретически.

– И что же?

– Религиозное возрождение сознания всех землян. Но...! Один Ной с семейством оказался на тридцать миллиардов. Остальные хрюкали, потешаясь над ними.

– Ну, допустим, что люди бы вдруг чудом поверили Ною и что тогда? Что произошло бы?

– Тогда им был бы предоставлен тот самый третий путь, о котором ты спрашиваешь.

– Ну и как бы тогда выглядело общественное устройство? Что опять бы раздробились на две сотни княжеств и зажили, конфликтуя между собой?

– Дело не в общественном устройстве, а в уровне агрессии, которая зависла в атмосфере. Рефилюц сумел ее накалить до предела. Вот накал этот и был бы погашен. А люди вольны называть своих правителей и организации ими управляющие, как им угодно. Важна не вывеска, а суть внутренняя всех людей. Адам – изгнанный из Рая, размножился и подошел к самому краю. Оставалось дать ему здорового пинка, чтобы он рухнул в пропасть. Для этого и явился Рефилюц.

Человечество – Адам, сделало ставку на Науку. Создало культ Науки. И этот ложный божок, сожрал их безжалостно. А нынешнее Человечество повторяет путь предыдущего, допотопного. Тоже шагком до пропасти остался и Науку обожествили. Осталось только Рефилюцу заявиться.

– Но ведь и разница все же есть. Религии всемирные. Там-то, до потопа их не было, – возразил Серега.

– С чего ты взял, что не было? Были. И храмы своим богам строили, и фимиам им воскуряли. А когда Рефилюц умер, то его объявили воплощением божественным. Философствовали о добре и зле. Спорили, что сначала появилось "курица или яйцо". Все как у нас. Фанатели и безумствовали, а так же мудрствовали. И все это в запредельном накале страстей. Поэтому "наиболее здравомыслящие" верили только в Науку, где можно рассчитать и цифирью подтвердить. Цифирь стала новым богом для многих. На нее молились и уповали.

– Так ведь и правильно, наверное, делали, что может быть надежнее доказанной теоремы?

– Любая доказанная теорема, охватывает поле определенного размера в бесконечности самой площади. Люди вынуждены топтаться на этих клочках, опасаясь остальной площади, как минного поля. Еще хуже, когда они возомнят, что открыли универсальные методы познания этой площади и могут бродить, где им вздумается. Недавно японские ученые выдвинули гипотезу, что вся видимая вселенная это последствие взрыва, который произошел и разворачивается в пространстве, попутно образуя звездные системы. На компьютере вычислили и даже свернули "взрыв" схематично. Получили некую колоссальную массу в объеме со спичечную головку и принялись кричать о том, что доказали материальное происхождение всего сущего, в котором Высшему разуму, т. е. Богу нет надобности присутствовать.

– И что им можно возразить?

– Возражать можно много чего. Услышат ли? Ну, хотя бы спросить их, что было до того времени, до той первой секунды, когда взрыв произошел? Почему рвануло именно в эту секунду, а не секундой, минутой или годом раньше? Ответ напрашивается сам собой. Чтобы рвануть, нужно рвануть куда-то. Значит, некуда было? Откуда же взялось вдруг это пространство, в которое вся эта масса "рванула"? Не было и вдруг появилось. Однако ученые предполагают, что пространство это некая бесконечная пустота, которую природа материальная заполнить стремится. Но если вы сумели свернуть эту материю в точку и время называете конкретное, то стало быть, было время и анабиоза для материи. А это может быть только при отсутствии пустоты или присутствия Силы, которая сдерживала материю от ее стремления заполнить эту пустоту. Что это за Сила?

Отрицая Бога, они получают новые вопросы. Допустим, кто-то очень гениальный, назовет эту Силу. Распишет в формулах и объяснит механизм. Тогда возникает вопрос. Почему

эта Сила перестала сдерживать материю, позволяя ей взорваться? Кончилась? Почему? Откуда взялась? И где сейчас?

– Ну-у-у, Федор Леонидович. Может, объяснят со временем и это? Может чтобы "взрыв" этот случился, нужно всего лишь материи дойти до какого-то состояния, ну а потом когда рвануло, тогда и пространство автоматически появляться начало?

– Тут миллион возражений и вопросов возникает, а главное то, что первоматерия эта сжатая, как пружина и что-то ее ведь сжало? Сила. Какая? И если бы там внутри шел процесс, который накапливая противодействие начал бы Силу эту преодолевать, то взрыва опять же не получается. А тут взрыв, как будто была Сила сдерживающая и вдруг мгновенно ее не стало. Жал кто-то пальцем, а потом раз и убрал. Похоже?

– Похоже. Значит, японцы ошибаются?

– И да, и нет. Но главная их беда в том, что выхватив фрагмент процесса, они объявляют его окончательно целым. Как в макро так и в микрокосмосе. Тот самый пресловутый кирпичик ищут многие века. Смогут найти если, то сами богами станут. Соревнуются с Богом. А Он над ними смеется, потому что мир нужно понимать целиком, а не дробить его на кирпичи. А они именно "дробят". Сначала кувалдой, потом микроскопом. Недавно ген какой-то человеческий сумели "раздробить" аж на 25-ть миллионов составляющих. Потом возьмут эту составляющую и "раздробят" еще на миллиард кусков. А потом сложат, так как им надо, чтобы как Бог создать нечто совершенное и получают страшилище или труп уродливый. Зато криков сколько, шума. Премии Нобелевские, ордена, звания. Ну а если кому-то удастся примитивную бактерию создать из неживой материи этот и вовсе станет гением всех времен и народов. Пока нет такого гения. Берут уже созданное и уродуют. Это научились.

– Так что же, наука не нужна что ли?

– Отчего же не нужна. Нужна. Нет в ней ничего такого, что Богом бы запрещалось. Изучайте Творение, но не делайте из инструмента Бога – кумира. Это тупик и бедствие для Человечества.

– А почему тогда многие религии преследовали деятелей науки? Ну, там типа Джордано Бруно. Сожгли ведь.

– Тут другая крайность, когда из Бога пытаются сделать инструмент. Эдакую дубину. А нужна золотая середина – симбиоз науки и религии. Где всему свое место определено. Инструменту свое, а Создателю, Творцу предоставлено право самому решать, где ему быть, а не гордить пограничные столбы для Духа Святого. Тем более что столбы эти только в умах человеческих расставлены. Нужно учиться и искать Бога во всем. Это Он Сам говорит. Это главное, а не какой рукой крестом люди себя осеняют. Не в обрядности, которая причиной фанатизма слепого частенько бывает. И озлобленные фанатики одной конфессии, избивающие фанатиков или приверженцев другой, ничем в этот момент не отличаются от избивающих друг друга фанатов каких-нибудь футбольных клубов. Даже пострашнее, пожалуй, выглядят.

Сколько крови пролито. Вон хоть та же ночь знаменитая Варфоломеевская. Когда католики резали гугенотов. И те и те христиане. А в чем разногласие формальное? Повод для резни? Обрядность. Это что христиане христиан резали? Нет – это фанатики одного клуба, резали фанатов другого, чтобы расчистить поле. А потом собирать с него навар, только для своей команды.

– Ну, это понятно. А настоящее христианство, где тогда? Все ведь фанатеют от своей конфессии.

– Не все. А потом Христос стоит выше конфессий. Царствие его не от мира сего и Церковь как бы Отсвет этого Царствия, здесь на Земле. И Она – Тело Христово. Храмы, иконы, ризы и свечи – это атрибутика. Люди – вот что главное. Их сколько-то – есть носителей или сколько-нибудь несущих. Они – Тело Христово и есть, т.е. Церковь истинная. Собралось таких, двое

вместе и Христос между ними встает, если они во имя Его собрались. И не важно, где это происходит. В храме кафедральном или в поле чистом.

– Зачем же тогда понастроили церквей и соборов, ну храмов этих, если без разницы?– Серега решил все же сопротивляться до конца и каверзные вопросы из него сыпались один за другим.

– Рвение люди проявляют,– взглянул на него лукаво Академик.– И потом, в храмах все-таки удобнее настроиться на религиозность, чем в поле или на помойке. Располагает все к этому. Обстановка. И храмы предназначены не только для духовных целей, но и для повседневных. Там венчали и отпевали, крестили младенцев, регистрируя их в церковных книгах. Организованность нужна, только не нужно из нее опять же творить кумира. Если Бога нет в сердце, то нет Его и в стенах и куполах вызолоченных. И наоборот, если Он в сердце есть, то сердцу все равно где стучать. Главный храм Божий – Человек.

– Вот значит как? Ну, это мы с Мишкой один раз проверили, когда саблю сломали,– пробормотал Серега.

– Какую саблю?– заинтересовалась Катюша, сидящая рядом с Мишкой и внимательно слушающая Федора Леонидовича.

– Покажи, Миш,– попросил Серега и Мишка принес обломки, которые хранил с того самого дня, как реликвию и напоминание. Даже коробку специальную из фанеры сам сколотил.

– Вот,– Мишка выложил рукоять и кусок лезвия на стол.– Серега засомневался, что по молитве твоей сталь переломилась, и мы попробовали повторить. Результат – эти два отрывка.

– Фома неверующий, значит,– вздохнула Катюша.

– Да уж лучше быть Фомой, который хоть глазам своим верит, чем слепым совсем или лохом, которые готовы поверить чему угодно,– возразил Серега.

– И какую же молитву зачитали?– поинтересовался Федор Леонидович, взяв в руку рукоять и рассматривая ровный срез.

– Иисусову.

– И после такого ты, Сергей, еще меня про Христианство расспрашиваешь?

– А мне многое не понятно. Даже вот с этой саблей. Вот выходит, что любой может молитву зачесть и сабли сломаются. Почему же не ломаются или почему не зачитывают? А мерзавцы процветающие с саблями, с автоматами или с атомными бомбами? Это как?

– Во-первых, не любой может зачесть. Вернее зачесть-то любой, да не у всякого молитва молитвой получится. Господь сказал, что много "званных да мало избранных",– возразила Катюша.

– Ну, пусть так. Тогда выходит что мы с Мишкой избранные? Тогда зачем нам эти "завесы" и "оспы"? И ХЦХ зачем? Зачитал молитву, попросил и получай. Перемещайся, защищен будешь, и ни один волос не упадет с головы? Однако, нас бы давно убили там во временах этих прошлых, если бы не эти навороты допотопные. Так как же? Вот ты, Катюша, и объясни.

– У меня ума не достанет, такое объяснить,– Катюша поежилась под Серегиным требовательным взглядом.

– Ну, как сможешь. Может, и мы чего додумаем сами,– продолжал настаивать Серега.

– Помолись Ему, может мысль ясную пошлет на все дающую ответ?

– Да спрашивал уже и молился. Нет пока ответа или услышать не умею,– вздохнул Серега.

– По Вере человеку дает Бог. Вот и все что я знаю,– Катюша отложила вышивку.– Саблю, пади, Мишаня сломал?

– Да.

– Вот Он и был тогда среди вас двоих Фомой уверовавшим, а ты уж от него крупницу перенял. Но на этом и встали. Решили, что уже много у вас ее. Вот потому и жить продолжаете, на "Оспы" эти уповая. А Господь, волю вашу уважая, не препятствует. По молитве ведь и

"Оспы" ваши прахом могут развеяться, но я когда вы уходите, всегда молюсь, чтобы сохранялись они, как кольчужка на воинах древних.

– Кольчужка?

– Да. Вы ведь беззащитнее их без нее. Вооружись вы в их доспехи и с их мечами долго ли продержитесь?

– Не долго. Какой-нибудь Карл, с детства шпажонкой обученный жонглировать, дуршлаг за одну минуту из обоих сделает,– вынужден был согласиться Серега.

– Ну вот. Поэтому носите на здоровье. И потом, ничего пока вы мерзкого в них не совершили. Кровь понапрасну стараетесь не лить. И пока Господь не отнимает, пользуйтесь. Для себя, когда радеть начнете, тогда и отнимет. А пока для людей больше стараетесь, и это вам нравится. Он попускает вам эти игрушки использовать,– сделала заключение Катюша.

– Попускает? А бандюганам всяким, тоже попускает пользоваться "игрушками"?

– И им тоже, но они все плохо заканчивают. Всегда плохо. Всегда находиться на "плеть обух" и на зло – добро. Смертны все на Земле, все перед Богом ходят и все ответят.

– Вот так просто?

– Не просто, если Веры нет.

– Значит, благословляешь и дальше добро "с кулаками"?– улыбнулся Серега.

– Ах, вон ты куда. Поэта вспомнил с его стишками,– улыбнулась Катюша.– Не совсем, так как у него. Он ведь что говорит.– "Добро ДОЛЖНО быть с кулаками".– ДОЛЖНО. Кому должно? А я говорю, что НЕ ДОЛЖНО. Добро должно быть с ЛЮБОВЬЮ, т. е. с Богом. А кулаки с разумом использовать, да и не должно Добро ими размахивать непрерывно сжатыми. В самом крайнем случае, когда "за други своя". Сначала Слово. А кулаки они всегда от страха и слабости.

– Значит и мы в "Завесы" от страха лезем?

– А от чего же? Опасаетесь за жизнь и лезете. Только бесстрашие это в "Завесе", может плохо кончиться. Не погрешимыми себя возомните. Судить и карать приметесь. Это самое опасное, что может с вами произойти,– вздохнула Катюша.

– Ну, мы не все время в ней. Вон я в прошлый раз попался, как "кур в ощип". Веревку на шею незащищенную накинули нукеры Тимуровы, до сих пор вспоминаю с содроганием.

– А Мишаня где был?– вскинулась Катюша.

– Ему тоже прилетело, но он успел руку подставить, а я прямо на шею поймал. Расслабились с ним на солнышке.

– О, Господи,– обмерла Катюша.– Да что ж вы так-то?

– Возомнили, как ты сказала. Вот Господь по шеям слегка и навешал, чтобы в чувство привести.

– То-то мне всегда тревожно, когда вы отлучаетесь в "командировки" эти. За день, пока вернетесь, сердце бывает, не по одному разу болит. И матушка сама не своя весь день. Все из рук у обоих валится. Когда здесь, так не бывает, даже если отлучаетесь на долго. А когда там...– Катюша вытерла платочком слезу.

– Катюш, да мы там очень внимательно ко всему относимся. Не носимся там с саблями и не орем, какие мы из себя крутые. Стараемся незаметненько, бочком проскочить. Не лезем давно уже в свары там всякие. В этот раз из-за этих сокровищ Тимуровых все так вышло. Нужно было следы все за собой убрать, чтобы никто не лез к пирамиде.

– Да я понимаю все. А сердце болит,– пожаловалась Катюша и опять всхлинула.

– Ну, Серега, обормот. Наплел тут про шею свою. Мало тебе попало, добавить бы еще,– проворчал Мишка, покосившись на сконфуженного друга.– Что за мужики нынче, языком метут, как метлой машут.

– Виноват. Признаю. Молчу как рыба об лед,– Серега положил голову на стол.– Вот шея, добавляй.

– Не-е-т. Ты рассказывай,– запротестовала Катюша.– Чтобы мы вас могли поругать. Начнете скрывать, и тогда придется за вами "Трояна" запускать, чтобы подсматривал и нам докладывал.

– Не надо "Трояна",– испугался Серега, я их с детства боюсь.

Утро следующего дня началось с поспешных сборов и на этот раз в пирамиде Мазари-Шарифской, сюрпризы их не поджидали. Как доложил "Ваня":– Все чисто.

– Ну что ж, разбиваемся на тройки?– предложил Петр Павлович.

– На тройки не получится. Восемь человек нас,– Серега окинул всех присутствующих взглядом. Предлагаю оставить Леонидовича с женщинами здесь на этом уровне, пусть проведут экскурсию по хранилищам. Им это должно быть интересно, а остальным сходить на нижние уровни. Интересно взглянуть на жилье Рерюфа. Пятьсот метров, хороша квартирка. Я взглянул на схему-план. Там у него даже бассейн есть, метров на пятьдесят. Спортсмен видать был.

– Ты же говорил, что туда доступа нет, и охрана действует автономно от этой. Что силой, что ли вломимся?– Мишка вопросительно взглянул на друга.

– Силой туда мы вломиться не сможем. Закрыто все наглухо. Я сейчас сяду на базу и попробую обойти допуски, ну как обычно, а вы пока уровень четвертый и пятый пройдите. Там система допусков та же что и на первом.

– А третий?

– Третий вспомогательный для второго. Там чистая механика и соваться туда рискованно и без надобности. Система подъемников и прочая хрень там сосредоточена. Ну что? Я разберусь и догоню. Без меня не суйтесь. Шлемофоны оденьте и связь по ним.

– Я с вами можно?– Катюша вцепилась в руку Мишки.

– Нет. Там возможно придется в "Завесы" обряжаться, а тебе нельзя. Оставайся с матушкой. Походи, посмотри на экспонаты. Очень интересно.

– Ладно уж, идите,– вздохнула Катюша.– За обедом теперь встретимся.

Глава 3

Четвертый уровень встретил их тишиной и шорохом манипуляторов. Здесь, так же как и наверху, шла постоянная приборка. Длинный туннель, в который они шагнули из дверей лифта, освещенный скрытыми светильниками, был похож на туннель второго уровня и так же темнел серыми дверными полотнами с обеих сторон.

– Что там по плану в этих помещениях?– поинтересовался Петр Павлович.

– Хранилища. Все те же книги и экспонаты. Музей – одним словом,– ответил ему Мишка.– Заходить будем?

– Любопытно взглянуть, но это епархия Федора Леонидовича. Вот кто доберется со временем сюда и душеньку отведет,– Силиверстович хмыкнул и постучал в первую ближайшую дверь.– Со слухом у меня конечно не так как у Сереги, но свистеть и я умею.– Силиверстович высвистел ноту и, нажав на полотно, убрал его вверх.– Прошу!

– Ишь, как вы настропалились,– шагнул Петр Павлович в дверной проем и, хлопнув рукой, уже привычно по клавише выключателя, включил свет.

– Ох, ни фига себе книжки!– воскликнул он, увидев стеллажи из прозрачного пластика, заставленные предметами даже отдаленно не напоминающими книги.– Да это склад стрелкового оружия. Автоматы, пулеметы, винтовки с оптикой,–

Петр Павлович пошел по метровому проходу между прозрачными кубами с прозрачными же полками. Оружие казалось висящим в воздухе, и рассматривать его можно было во всех подробностях.

– Будто только что после чистки. Вон и смазка поблескивает,– удивился Силиверстович, следуя за ним. Из соседнего прохода высунулся паученок, блеснул сегментами видеокамер и, приложив манипулятор к корпусу, "отдал честь".

– Ну, Серега, молодец. Не дай Бог такой за ногу схватит,– прошептал, вздрогнувший при появлении "прапора" Силиверстович.– Интересно как доставать это железо из ящиков этих? Не вижу ручек или отверстий. Глухо упаковано. Запаяли что ли?

– Вполне возможно,– Мишка постучал костяшками пальцев по пластику, и он отозвался глухим звуком.

– На ноты не похоже. Вряд ли свистом тут обойдешься. Потом глянем в инструкциях. Нафига это здесь заскладированно?

– Достижение человеческой мысли, надо полагать, зафиксировали,– предположил Петр Павлович.– Странно, что под книги это замаскировали или вы глядели невнимательно?

– Да нет же, я сказал книги и экспонаты. Это, наверное, экспонаты. Мы же не стали листать по помещению каждому. Пару штук листнули – книги действительно, ну и дальше опустили на пятый уровень.

– А там что?

– Там техника в основном. И апартаменты членов ЦК СС. Центральные Координаторы Совета Старейшин.

– Они что жили здесь?

– Не знаю. Их всего было 66-ть, а Верховные видать вшестером заправляли и главный у них этот Рерюф был.

– Ладно, разберемся на месте,– Петр Павлович принялся рассматривать очередной "убойный" экспонат.

– Ты смотри, ниже коробки явно с боекомплектom. Действующие значит, а не муляжи там какие-нибудь. Вот это явно пулемет и калибр где то миллиметров 12-ть не меньше. Даже руки зачесались пострелять.

– Вот что значит военная косточка,– подметил Силиверстович, проходя дальше по проходу и упираясь в запертую дверь. Свистнув, он открыл и эту с такой же легкостью и, включив свет, позвал Петра Павловича:

– Петр, твоя мечта осуществилась, на тир похоже.

Бункер очередной, дизайнера не имел вообще никакого и был длиной метров двести. Сразу за входной дверью его перегородивала стойка из темного пластика, разделенная прозрачным же пластиком на кабины.

– Да, похоже на тир. Только где оружие? Или как его взять?–

Петр Павлович подошел к стойке и увидел небольшой пульт со значками.– По зеленой, сначала нужно хлопнуть – это мы усвоили,– Петр Павлович шлепнул по клавише и откуда-то из правого угла появился все тот же "прапор". Он остановился перед вошедшими, отсалютовал и, посверкивая "глазенками", уставился на Петра Павловича.

– Ну и что молчим? Докладывай "прапор", что тут и как?

– Есть,– козырнул опять "прапор" и монотонным, механическим голосом доложил:

– Вы находитесь в боксе литер /*****/ предназначенном для профилактики и пристрелки стрелкового вооружения, выставленного в качестве экспонатов в смежном боксе литер/*****/.

– Каким образом извлекаются для этой цели экспонаты?– обрадовано приступил к допросу «прапора» Петр Павлович.

– Набираете на пульте индекс экспоната и ставите тем самым задачу на извлечение или отдаете голосовое распоряжение, с указанием индексов,– все тем же металлическим голосом выдал справку "прапор".

– А если я пальцем покажу?– уточнил свои возможности Петр Павлович.

– Можно и визуально,– ответил паук.

– Слушай, Миш, ты же вроде говорил, что они у вас тут на живом русском разговаривают. А этот? Как пылесос гудит на одной ноте,– повернулся к сыну Петр Павлович.

– Сейчас исправим,– Мишка щелкнул тумблером на шнуре, вызывая Серегу.

– Ну, чего там?– отозвался тот недовольно.

– Серый, объясни, пожалуйста, почему тут контингент разговаривает на языке суконном? Гудят как пылесосы на одной ноте. Клиенты недовольны.

– Щас устраним. Что предпочитаете? Феню или наоборот какой-нибудь поволжский диалект?

– Нормальный давай. Повседневный, с интонациями.

– Понял, получите,– ответил Серега. «Прапор» дернулся и, выгнувшись, вкрадчивым голосом произнес:

– Чего изволите-с, господа?

– Вон тот пулемет изволим, что торчит в пятом кубике отсюда в четвертом ряду,– Петр Павлович указал пальцем в соседний бокс.

– Один секунд,– паук шмыгнул в дверной проем и понесся к "кубику". Там он прижал один из манипуляторов к пластику и со звуком "пам", боковая стенка уползла в сторону. "Прапор" сноровисто подхватил экспонат манипуляторами и поволок его в тир. Здесь он выставил его на стойку и умчался опять, теперь уже за боекомплектком. С нижним "кубиком он повторил ту же операцию и, вернувшись с пластиковой коробкой, мгновенно прищелкнул ее к экспонату.

– Экспонат индекс/*****/ к стрельбе готов. Прошу,– доложил он.

– А мишени где?– Петр Павлович осмотрел пулемет и, взявшись за пистолетную рукоять, выполненную явно из чего-то прорезиненного, прицелился.

– Мишень активируется нажатием клавиши с кругом.– Подсказал "прапор" и добавил:

– Такая вот хрень.

– Ну-у-у, орел, – похвалил Петр Павлович непонятно кого, то ли "прапора", то ли Серегу. – Предохранитель, затвор. Лента. Все ясно, – Петр Павлович хлопнул по клавише с кружком и с дальнего конца в их сторону скачками понесся зверь, похожий на кабана. Попасть в него Петру Павловичу удалось только с третьей очереди. Причем зверюга не упал, как все ожидали, а исчез.

– Это что за мишень такая? Доложи "прапор", – Петр Павлович утер ладонью вспотевший лоб.

– Эт глюк, ну-у-у голограмма. Дезактивируется от температурного воздействия, – отозвался «прапор».

– А если я ее не успею... дезактивировать?

– Добежит до конца и дезактивируется сама. Че тут непонятного? – сверкнул сегментами паук.

– И что, тут только кабаняра выскакивает? – поинтересовался Петр Павлович.

– Нет, там ниже целая строчка из пипочек. Даже летающие цели имеются. Фигурки соответствуют. Сначала по ней ляпнуть, потом по кругу, – все тем же голосом сообщил «прапор».

– Значит, тот, кто здесь палил последний раз, тот на кабана этого нажал? – сделал вывод Петр Павлович.

– Ну да, Старейшина Совета палил, – подтвердил его догадку "прапор".

Петр Павлович выбрал что-то летающее и в его сторону полетела птица, напоминающая гуся, но размерами раза в три побольше. Попасть в нее полковник не сумел, кончился боезапас и "гусь" долетев до стойки, спикировал на стоящего за ней пулеметчика, норовя клюнуть в голову.

Непроизвольно тот сделал шаг назад, прикрываясь инстинктивно руками, но "гусь", не дотянувшись до головы полметра, исчез так же внезапно, как и появился.

– Фу ты, как живой! – Петр Павлович вытер снова вспотевший лоб.

– И не говорите, блин, – поддакнул "прапор".

– А если бы я не отошел?

– Ну-у, тогда слегка бы током шандарахнуло, вольт десять, – сообщил "приятную" новость паук.

– Почему не предупредил, сапог кирзовый? – рявкнул на него полковник.

– Думал, что вы сами умный, – тут же нахамил ему "прапор" и отскочил на всякий случай на пару метров.

– Не боись, я маленьких не обижаю, – проворчал Петр Павлович, ухмыляясь. – Давай еще пару коробок.

"Прапор" помчался за патронами, а Мишка спросил озабоченно:

– Па, ты тут на сколько решил зависнуть? Если надолго, то мы пока с Силиверстовичем прошвырнемся походу вдвоем. Догонишь потом. Или, дядюшка, ты тоже желаешь клювом в лоб получить, вольт десять?

– Нет, племяш, уволь. Сроду электричества боюсь. Ты, Павлович, спроси у этого гаврика сколько вольт в тебя долбанет ежели ты вот в этого лося не попадешь. Может от размеров заряд меняется?

– Эй, служивый, меняется заряд от размеров? – Петр Павлович признательно взглянул на Силиверстовича.

– А як жеж, – тут же подтвердил "прапор" догадку Силиверстовича. – Мы контора сурьезная, не хухры-мухры.

– И сколько от лося я получу, если промахнусь? Он тут самый большой, я вижу?

– От лося двадцать вольт, но он тут не самый габаритный. Если слева кнопочку верхнюю прижать, то новые фигурки высветятся. Меню на восемьдесят персон, – сообщил паук.

– Та-а-к! И какой там самый большой?

– Дракон летающий самый солидный. И лупит за промах пятьдесят вольт.
– Да тут в галошах резиновых стрелять нужно,– возмутился Петр Павлович.
– Так точно, половые покрытия прорезинены,– паук сверкнул радостно глазенками.– Но можно систему и отключить. Клавиша в левом нижнем ряду синего цвета, стимулирование аннулирует.

– Ни хрена себе стимулирование. Хотя-а,– Петр Павлович почесал затылок и, надев шлем, хлопнул по очередной кнопке и на него помчался тигр, мельтеша полосатой шкурой. Тигра полковник завалил одной короткой очередью и довольно улыбнулся.– Ну, вот и навык растет. Тут приклад идиотский, как у костыля жесткий и плечо норовит вывихнуть,– пожаловался он, принаравливаясь к складному, металлопластиковому прикладу.

– Приклад регулируется рычагом справа. Вниз до упора,– подсказал паук.

– Ишь ты. Уже и без вопросов понимает, что клиенту требуется,– удивился Петр Павлович, регулируя приклад.

– Ну, мы пошли, настреляешься, догонишь,– вернул его к реальности Мишка.

– Ладно, я не долго. Эти две коробки и догоню,– махнул рукой полковник и прицелился в несущегося на него носорога.

– Дорвался до бесплатного развлечения,– пробормотал Мишка, выходя в коридор-туннель.– Ну что, Силиверстович, посмотрим следующее помещение? Вам свистеть. У меня хуже получается.

– Давай, напротив заглянем,– Сильверстович свистнул и вошел в открывшийся проем.– Ты глянь, племяш, да тут тоже не книги, а барахло военное. Типа униформы. Каски, тряпки,– все те же пластиковые аквариумы, только заполненные снаряжением, предстали перед Мишкиным взором.

– Здесь ничего интересного,– разочарованно махнул он рукой.– Комбезы я такие уже видел, даже носил.

– Погодь-ка, Мишань,– Сильверстович подошел к одному из контейнеров и принялся рассматривать разложенные на полке вещи.

– Что там?– Мишка встал рядом и пожал плечами,– комбез все тот же, только мимикрирующий, судя по всему. Ну, маскировочный. Принимает оттенки окружающего ландшафта, как палатка. "Хамелеон"– одним словом,– пояснил он Силиверстовичу.

– Да видел я тот "хамелеон" и палатку помню, склероза пока нет. Ты смотри внимательнее. Это тот, да не тот. Вон видишь, вроде как капюшон, а сбоку прозрачная, пластиковая хрень присобачена. И сеткой мелкой просечка в районе носа.

– Сейчас спросим, здесь тоже "прапор" быть должен. Эй, служивый, ко мне,– за спиной Мишкиной послышался шорох и в дверной проем вкатился на манипуляторах очередной "прапор".

– Сколько помещений курируешь, парень?– обратился к нему Мишка.

– Шесть, чего изволите, вашбродь,– козырнул манипулятором «прапор».

– Ну, Серега, что за смесь он им в мозги закачал?– улыбнулся Мишка и ткнул в стеллаж пальцем:

– Вынь-ка нам вот этот лапсердак и о свойствах поведай, в темпе вальса.

– Есть,– паук проворно скользнул под стеллаж, присосался к боковой панели и с тем же звуком глухим "пам" вскрыл его за две секунды, при этом сообщая характеристики комбеза:

– Комбез, для высшего командного состава, общевойсковой. С добавлением сапротидов. Круто до безобразия. Выдерживает прямое попадание 100мм снаряда с расстояния 100 метров. При этом клиент только теряет ориентацию в пространстве на 5-ть секунд без негативных последствий для вестюбилярки.

– С ног значит сшибает?

– Так точно валит, но без травм.

- А чем нужно в него запулить, чтобы травма была?
- Тем же 100мм, но с расстояния 10 метров, травмы несовместимые с жизнью, обеспечены,– рявкнул паук.– Кости вдребезги, мясо в фарш, мозги в труху.
- А с какой высоты можно прыгнуть в таком костюме без несовместимых с жизнью последствий?
- Метров с 300-х сот, но только в спецобуви. Сектор /*****/,– бойко выдал справку паучок.
- Неси пять пар, две 42-го и три 43-го,– распорядился Мишка.
- Есть,– паук умчался в глубину бокса и вернулся через 30-ть секунд, нагруженный спецобувью.
- Ты смотри-ка нормальная подошва. Правая и левая. Только без шнурков, на этих липучках и цвет серый, а так вполне на берцы наши армейские похожи. Не кожа – это сто процентов,– Мишка примерил один берц допотопный и даже присвистнул:
- Обалдеть, как влитой. Здесь что тоже сапротиды?
- Так точно,– козырнул прапор.– Что еще изволите?
- Еще тащи четыре комплекта комбезов. Женские есть варианты?
- Есть.
- Тогда еще и женских три,– Мишка прикинул размеры и назвал их "прапору". Пока тот носился, выполняя поставленную задачу, вдвоем с Силиверстовичем они принялись рассматривать комбез сшитый с применение сапротидов.
- Хорошая вещь, даже и "Завеса" не очень-то нужна в таком. Разве что как усилитель мощи. По-крайней мере в этом можно ходить постоянно. Энергию не жрет,– удовлетворенно щупал ткань Силиверстович.– Я вон в Муроме всего-то ничего побыл в этой "Завесе" и думал, что ноги протяну. Вам-то молодым и подольше, конечно, вытерпеть можно, но жилы они ведь тоже не железные. Недаром ихние "попешники" вот эдакую снарягу предпочитали. Ну, и у них наверняка похуже были. Эти-то, паучок брякнул, для командного состава,
- а "прапор" уже терся у ног загруженный барахлом так, что его и самого под ним было не видно.
- Рюкзаки здесь есть, служивый?– Мишка сложил комбезы на стеллаж.
- Так точно, имеются.
- Тащи пару штук,
- Мишка принялся примерять свой комбез прямо поверх одежды и, застегнувшись на липучки, спросил Силиверстовича: – И как оно?
- Ниндзя японистый,– кивнул тот.– Ну-ка маску прикинь. Или как он этот щиток называется? Забрало, наверное. Вот так. Ты глянь-ка, почти и не заметно. А дышать как, нормально?
- Нормально, будто и нет ничего,– Мишка дотронулся рукой до пленки.– Смотри-ка, рельеф лица повторила. Перчаток только вот не вижу. Должны быть. Может отдельно где?
- В карманах глянь. Их, я смотрю, всяких разных присобачено и даже на рукавах десяток. Вот все и проверяй,– посоветовал Силиверстович и Мишка принялся рыться по карманам, расцепляя липкие клапана и бормоча:
- Пусто, и здесь тоже, а тут, блин "Завеса" никак. Предусмотрительные какие,– перчатки нашлись в карманах брюк. Тонкие, как будто выполненные из щелка, они тотчас же приняли телесный цвет, стоило только Мишке вытащить их на свет.– Хамелеоны тоже.
- Мишка сел на стеллаж, в котором стояла какая-то армейская посуда и, принялся рассматривать второй ботинок, а Силиверстович, сложив в рюкзаки комбезы и обувь, закинул один на плечо, а второй пододвинул ногой Мишке.
- В новых ботах пойдешь? Тогда свои упаковывай старые,– в дверном проеме появилось довольное лицо Петра Павловича.

– Ну, Силиверстович, оторвался по полной программе,– двинулся он по проходу.– В ушах гудит. А Мишка куда умотал?

– Здесь я, батюшка, с ноги моей слезь, отдалил,

– взвыл Мишка, сидящий на стеллаже. Петр Павлович даже отскочил, уставившись в сторону Мишки и пытаясь рассмотреть его в мимикрирующем "хамелеоне".

– Во что это ты влез? – наконец сумел он разглядеть сына и принялся его ощупывать.

– Комбез маскировочный с сапротидами,– Мишка шагнул на середину прохода и ткань плавно приняла светло-серый окрас.

– И много здесь этих маскхалатов?– голос полковника отставного предательски дрогнул, как, пожалуй, у всякого военного во все времена заподозрившего, что на складе армейском недостаток чего либо.

– "Прапор", сколько комплектов?– переадресовал вопрос отца Мишка.

– Шестьсот шестьдесят штук,– паучок число озвучил незамедлительно.

– Так, не понял, почему шесть штук недокомплект?– Мишка искренне удивился и паучок бойко пояснил:

– Шесть эксклюзивных, хранятся на шестом уровне.

– В чем эксклюзив?– зацепился Мишка за слово непривычное для его уха, но вполне понятное по смыслу.

– Усиливает М.Э.

– А расшифровать аббревиатуру слабо?– подбодрил «прапора» Петр Павлович.

– Магическую энергию.

– Этот вариант, значит, не усиливает?– Петр Павлович похлопал сына по плечу.

– Так точно. И чужую не глушит,– мигнул видео сенсорами паучок.

– Та-а-к. А те, значит, и глушат, и усиливают? И на сколько?

– Глушит абсолютно. Усиливает в 200 раз,– последовал ответ.

– Интересно девки пляшут,

– произнес несколько обескуражено Петр Павлович.– Что это еще за МЭ такое? Докладывай, служивый. С чувством, толком и расстановкой.

– Поток энергии. Физика не изучена, но позволяет носителю и способному накопить ее человеку, приобретать дополнительные качества и усиливать имеющиеся,– начал докладывать паучок.

– Например?

– Ясновидение, телепортация, гипноз, телекинез.

– Ясно! Слыхали? Это же какие возможности у такого человека должны быть для того чтобы манипулировать другими людьми?

– Огромные, просто обалденные,– поддакнул ему "прапор".– Мечта идиотов.

– Хорошо, а если у человека ноль этих способностей? И он напялит на себя "эксклюзив"?– продолжил расспрашивать полковник.

– Нуля не бывает. Меньше единицы ни у кого не бывает,– сообщил паук, сверкая телекамерами.

– И как это выяснить?

– Пройти тестирование.

– Где и как?

– Любой из нас способен провести такой тест.

– Ну-ка,

– требовательно взглянул на паука, замершего у его ног, Петр Павлович.

– Несколько заданий тестовых. Позвольте? С кого начать?

– С меня давай,– Петр Павлович расставил пошире ноги и приготовился.

– Сколько будет два плюс два, минус два?

- Два,– подумав несколько секунд, ответил полковник.
- Сосчитайте в обратном порядке от двадцати до нуля.
- Пожалуйста, 20-ть, 19-ть...– Петр Павлович добросовестно добрался до нуля.
- Ваш коэффициент – 1,246.
- И все? Так просто?
- Просто.
- Давай, Силиверстович, узнай, сколько у тебя там этот потенциал,– отошел в сторону по проходу Петр Павлович, перешагнув через служивого и тот перевел видео сенсоры на очередного тестируемого. В результате Силиверстович ответил на такие же два простеньких вопроса и получил коэффициент 1,32.
- Это много или мало?– поинтересовался он у "прапора".
- От единицы до двойки – норма.
- Давай, Мишутка, у тебя наверняка двойка. Любимая твоя оценка в школе. Я даже не сомневаюсь,
- расплылся в улыбке Петр Павлович.
- Ну, давай,– Мишка недовольно скривился.– На фига вообще знать этот коэффициент? Жили без этого и нормально. Ущербными себя при этом не ощущали. Как дети, ей Богу. Пусть двойка будет, мне без разницы. Давай свою арифметику?
- От девяти отнять восемь и разделить на единицу?– прозвучал первый вопрос.
- Единица.
- Сосчитайте четными числами от пятидесяти до нуля,– прозвучал второй.
- 50-т, 48-м, 46-ть...– Мишка с грехом пополам, сбившись пару раз, дополз до нуля.
- Ваш коэффициент – 38,68,– сообщил результат тестирования паука.
- Что-о!– не поверил Мишка своим ушам.– Сколько?
- 38,68,– повторил тот.
- И что это значит?
- Это значит, что при достаточном количестве М.Э, вы достойны войти в Совет Старейшин,– прозвучал ответ.
- Так, погоди. Я не понял. Где взять это МЭ-Э-Э.
- Существуют искусственные накопители, разработанные и используемые. Здесь они имеются в достаточном количестве. Кроме того человек способен накапливать их самостоятельно. За это отвечает в головном мозге каждого, определенный участок.
- Понятно, у нас он, видать, отсутствует. Неси устройства, – скомандовал Петр Павлович. Паучок убежал, шурша манипуляторами, и вернулся через минуту, выложив на стеллаж три браслета черного цвета.
- И как ими пользоваться?– Петр Павлович взял осторожно один из них.
- Одеть на руку,– последовал ответ и все трое не сговариваясь нацепили браслеты.
- Ну и что дальше?– Мишка повертел головой.– Вроде как в голове зашумело.
- А у меня ничего,– пожал плечами Силиверстович.
- И у меня,– откликнулся Петр Павлович.
- А дальше вы можете теперь реализовать свои коэффициенты в разных направлениях,– подсказал «прапор».
- Например? Что тебя все время за язык тянуть приходится, Кирза? – возмутился Петр Павлович.
- Например – левитировать. Попробуйте представить, что вы зависли в воздухе.
- Ничего не получается,– вздохнул Силиверстович, а Петр Павлович даже сплюнул с досады.
- А вот Мишка вдруг подпрыгнул на месте и завис в двух метрах от пола, нелепо размахивая руками.

– Ну, вот. Коэффициент-38,68 – это много даже для великого мага, – удовлетворенно прогудел "прапор".

– Спускайся, Миха, кончай висеть,

– Петр Павлович дотянулся до Мишкиного плеча и дернул его вниз. Мишка рухнул и чудом успел встать на ноги.

– Ни фиги!– он ошеломленно взглянул на отца.– Че это было?

– Ты о чем подумал, когда взлетел? – вопросом на вопрос ответил тот.

– Про гуся, в которого ты промазал, – честно признался Мишка.

– Вот значит как? Ну-ка и я про гуся,

– Петр Павлович зажмурился и медленно поплыл вверх, зависнув над полом в десяти сантиметрах.

– Висишь, па!– не удержался Мишка от восторженной реплики.

– Да, я чувствую,

– Петр Павлович открыл глаза и медленно поплыл по проходу.

– Ни фиги себе. Ну, батюшка,

– Мишка взмыл в воздух и, пролетев метров десять, рухнул у входа в бокс, чуть не ударившись лбом в стену,– Силиверстович охнув, перекрестился:

– Нечиста сила, – а Мишка снова поднялся в воздух и перевернулся через голову, сделав кувырок.

– А ничего сложного, как и ходить. Сначала все падают ведь тоже,– хмыкнул он, зависая над головами отца и Силиверстовича.– И надолго этого браслета хватает?– обратился он к паучку.

– На час,– пояснил паук,– потом нужно ждать пока энергия накопится – М.Э – естественным образом.

– И сколько ждать?

– 240-к часов.

– Сколько всего таких браслетов имеется в наличии?

– Шестьдесят.

– Опять недокомплект и понятно почему. Оставшиеся шесть "эксклюзив" и находятся на шестом уровне?

– Так точно.

– А что еще кроме левитации?

– Предметы можно материализовать и перемещать,

– доложил "прапор".

– Перемещать – это понятно, та же левитация, только телекинезом или телепортацией называется, а как материализовать? Любые?

– Любые, за исключением живых организмов.

– Значит, я могу материализовать, например, коробок спичек?– спросил «прапора» Петр Павлович и тот пару раз мигнул в ответ видео сенсорами.

– Хорошо. Эксперимент номер два,

– Петр Павлович опять зажмурился и на стеллаже появился коробок прозрачный, как из стекла, но явно спичечный, даже с этикеткой, на которой брел караван верблюдов. Коробок наливался цветом, становился все реальнее и наконец, упав, закувыркался по гладкой поверхности пластика.

– Получилось,– выдохнул Силиверстович, переживающий за полковника.– Я уж Мишаню, не спрашиваю, чего он захочет материализовать.

– Я? Ничего не хочу,– пожал Мишка плечами.

– Попробуй хоть тот же коробок спичечный,

– попросил его отец, улыбаясь с видом победителя.– Это тебе не в воздухе болтаться. Тут мозги надо иметь.

– Сколько коробков? – уточнил Мишка, взглянув на отца слегка укоризненно.

– Издеваешься? Один сделай, Жучара,– хмыкнул Петр Павлович.

– Да, пожалуйста,

– Мишка махнул рукой в сторону прохода и в него, с потолка рухнул ящик.

– Это коробок?– Петр Павлович шагнул к "коробку" и дернул за толстенную фанерину. Ящик фанерный с противным скрипом сдвинулся с места и огромные спичины, с серными головками размером с футбольный мяч высунулись из него.

– Ну, сын, спасибо, что не на голову сбросил,

– проворчал полковник, пнув ногой "коробок".– Убирай с прохода этот мусор, не пройти теперь нормально, "коэффициент – 38,68".

Мишка щелкнул пальцами и "коробок" рассыпался на тысячи коробков обыкновенного размера.

– Вот значит, где собака порылась... – пробормотал Петр Павлович и впервые в жизни посмотрел на сына с искренним восхищением.– Вот талант-то оказывается, какой у тебя был прикопан. То-то все на какие-то каверзы всю жизнь тянуло. Силиверстович, он тебе про свою дневниковую эпопею не рассказывал?

– Слышал, как же. Умелец. Она как спичек-то натиражировал, хоть спичечную фабрику аль лавку открывай. Озолотимся теперь, – хмыкнул Силиверстович, поднимая коробок с пола.– А как с качеством?– чиркнул он спичиной и она вспыхнула у него в руке, вполне исправно загоревшись.

– Молодец, все без подвоха. А вот, к примеру, ты мне зубы можешь так же вставить? А то я стоматологов боюсь до дрожи коленной, а своих-то вон уже только половина осталась.

– Не знаю,– пожал плечами Мишка.– Образец бы.

– Есть, а как же. У Тихоновны мост.

– Ну, тогда потом покажете, – вздохнул Мишка.– Я попробую. Только сначала просто сделать не вставляя. Вдруг чего не так.

– Вот это сюрприз. Ну, Миха. Как ты там в рекламке-то себя расписывал? Михаил-Светозарный?

– Петр Павлович хлопнул сына по плечу и отбив ладонь о комбез, удивленно глянул на нее.

– Как по стенке все равно.

– Так он и есть противоударный, – ухмыльнулся Мишка.– 100-миллиметровый снаряд со 100 метров не убивает пользователя.

– Да ты что?! – в голосе Петра Павловича прозвучали все же нотки сомнения.

– Мы каждому по комплекту взяли, вон в рюкзаке. Проверь, если хочешь, – предложил Мишка и Петр Павлович склонился над рюкзаком, вынимая комплект. Прикинув его к своей фигуре, молча принялся облачаться. Застегнувшись на липучки, он помахал руками и, надев перчатки грохнул кулаком по стеллажу.

Стеллаж задребезжал так, что даже ушам стало больно, а из прохода выскочил "прапор", заполошно вереща:

– Не так сильно, господа. Казенное имущество.

– Ладно, не буду больше, служивый. Ишь ты, рвение какое!

– Петр Павлович стукнул Мишку в плечо и тот, хмыкнув, ответил ему ударом в грудь.

– Абсолютно не ощущается касания, как в "Завесе". Минусы какие?

– С десяти метров тот же снаряд 100 мм, в кашу перемолотит, – сообщил Мишка.– Ну и сил не прибавляет практически. Это ты по стеллажу за счет своей природной вмазал. "Завесу" вон в тот карманчик положили.

– Мишка указал отцу на кармашек нарукавный.– Лежит на всякий случай. И потом вот этот треугольник видишь на левой груди?

– Что он означает?

– Это стабилизатор.

– Не понял?

– Переверни его черным сектором вниз. И цвет зафиксируется. Мимикрия прекратится. Выбираешь то, что тебе понравилось. В лесу, например и фиксируй. Потом вышел в чисто поле и будешь кустиком скромным смотреться. А вообще у него нейтральный цвет светло-серый. Любили они там этот цвет. Сектором серым вниз. Ну, и режим мимикрии – белый. Я быстро разобрался.

– Понятно,

– Петр Павлович крутнул треугольник в нейтральное положение и направился к выходу.

– Что-то мы тут задержались. Обедать вроде пора. Сколько там на часах?

– Пора. Час,

– Мишка надел шлем и вызвал Серегу.

– Ну-у,– раздался опять недовольный голос.

– Идем обедать, предупреди хозяйек. Пусть ставят щи разогревать.

– Что уже?

– А ты там что?

– Влез в базу. Интересна-а-а.

– У нас тут еще интереснее. Глаза на лоб полезут, когда увидишь.

– Ну да?!

– Точно.

– Тогда какого хрена? Женщины, мужики проголодались, бегут сюда. Спасайтесь, кто может,– заорал Серега во весь голос, а Мишка снял шлем и скривился:

– Прямо в ухо обормот. Хоть бы предупредил,

– Мишка повернулся к "пауку-прапору" уже у входа в бокс и поинтересовался:

– Что ты там про "великого мага" крикнул? Когда коэффициенты вычислял?

– За всю историю тестирования коэффициент такого уровня зафиксирован не был у живущих на тот период людей, – доложил "прапор", мигая видео сенсорами.

– Та-а-а-к. А сколько у Рефилюца было?

– Неизвестно, тогда тестирование еще не проводилось.

– Хорошо, сколько у Рерюфа?

– 10,6-ть.

– Всего?

– Это самый высокий показатель среди членов Совета,– возразил паук.

– Ну да, плюс "эксклюзив". И что он в этом "эксклюзиве" мог масштабное совершить?

– Мог поднять сто шесть тонн на высоту километр,– паук отдал честь передним манипулятором.– Вы сможете проделать тоже самое с весом 386 тонн.

– Вот как! А зачем он эти тонны поднимал?

– Демонстрировал мощь.

– А, ну да. Наглядная агитация. Прибери здесь все,

– Мишка усмехнулся и, подпрыгнув, вылетел в коридор. Там он приподнялся метра на два и, сделав кувырок, плавно опустился на пол. Силиверстович, запирая вход, проворчал:

– Ну вот, игрушка теперь у хлопчика появилась. Ходить теперь зачем? Лети сизый голубь к своей голубке. То-то она сейчас обрадуется. Будешь мусор на помойку через форточку выносить. И с Кирюхой можешь летать над крышами. Вот кто уж точно рад будет... Просто несказанно.

– Ты, Миш, прекрати кувыркаться. Давай нормально войдем. Перепугаешь там всех до смерти,

– Петр Павлович нажал на клавишу, и лифт мягко заскользил вверх.

– Да что я не понимаю что ли? Просто вы тут уже в курсе, ну и попробовал еще разок. Как-то вдруг сомнения разобрали, что на самом деле снова смогу полететь, – начал оправдываться Мишка и первым выскочил из остановившегося лифта.

– Катюня, жена моя, супружница, – заорал он на весь туннель. – Где моя миска дежурных щей и сахарная косточка?

Катюша выскочила навстречу и, завизжав до звона в ушах, кинулась ему на шею.

– Ну, заполошная семейка, – проворчал Силиверстович, прочищая заложенные визгом уши. – Катерина, прекрати. Как подросток себя ведешь. Сейчас в угол обоих поставлю на горох. Два сапога. Прав Серега-то.

– Ой! – покраснела Катюша. – Извините нас, дядюшка, мы больше не будем, – она подхватила Силиверстовича под локоть и зашептала ему на ухо:

– Какой борщ нынче у нас, дядюшка, со сметанкой свежей. Я сама сбегала, всего полчаса назад в холодильник. Ну-у-у. Простили?

– Ладно уж, егоза. Только ради борща в последний раз,

– улыбнулся Силиверстович.

– Ура! Простил!!

– заорали в два голоса Мишка с Катюшей и, Силиверстович ринулся от них в открытую дверь командного бокса.

Глава 4

Женщины накрыли стол в боксе – Управления Комплексом. Сдвинули пару подходящих блоков и притащили кресла.

– Интересненько,– принялся Мишка к запаху домашнего борща.– Где разогрели?

– Дома, Мишанька,– Тихоновна оторвалась от процесса разлива борща по тарелкам.– У нас Катюша дюже способная девка, все на лету схватывает. Раз пять туда и обратно сбегала.

– Сама?– не поверил Мишка.

– И чего тут сложного?– сложила бантиком губки Катюша.– Не крестиком чай вышивать? Сергуня показал два раза и сопроводил разок, а потом уж сама,– уточнила она.

– И не страшно?

– Чегой-то?

– А вдруг не на ту клавишу нажмешь, и забросит, куда телята за Макаром не гонялись?

– Так чай не бросите на погибель с Макарой-то этим? Троих-то нас!?

– А я-то думаю, чего это мне как-то не по себе последние полчаса,– потер Мишка левую сторону груди.– Будто в воздухе подвесили.– Петр Павлович постучал сына легонько кулаком по лбу:

– Орел ты наш беспокойный. Серега, ты знаешь какой тир я там надыбал. Полигон. Настрелялс-я-а-а,

– улыбнулся довольно полковник.

– В кого это? И из чего?

– Нина Андреевна нарезающая хлеб, замерла с ножом в руках.

– По мишеням, конечно же. А из чего-о? Чего там только нет. Даже что-то вроде базуки.

– Тебя только пусти к оружию... Странно, что вообще обедать пришел,

– проворчала Нина Андреевна.

– Эх, мать, я бы и не против, еще часок другой, да больно стимул там каверзный для тех, кто промахивается.

– И что за стимул?

– Мишень добегает до стрелка и коль не попал, то мазилу током бьет.

– Господи! Помилуй!

– перекрестилась Тихоновна.– Страсти какие.

– Да ну,– заинтересовался Серега.– И сильно бьет?

– По-разному. От размера цели зависит. Чем крупнее, тем круче долбит. И правильно. Это каким же кривоглазым быть нужно, чтобы из пулемета по тигру не попасть? А вот мелочь там всякая, тут конечно,– потер лоб Петр Павлович,– попробуй попади, когда она размером вон с эту тарелку, а летит на тебя со скоростью пули.

– То-то я смотрю лоб у тебя красный,

– Нина Андреевна осуждающе покачала головой.– Все как мальчишка лезешь безрассудно, куда ни попада. Волос вон седой уж,– махнула она рукой безнадежно.

– А что там такого вы еще нарыли?

– Серега подсел к столу и, схватив ложку, принялся за борщ.

– Костюмчики вот классные обнаружили. Что сморщился. Этот покруче, чем просто мимикрирующие. С нитью сапротидной. Почти как "Завеса", только без минусов. А как к окружающей обстановке приспосабливается, мгновенно буквально,

– Мишка повернул треугольник и женщины ахнули, когда на его месте увидели нечто непонятное. Стул, кусочек стола и остальное стена, к которой Мишка прислонился. Катюша, сидящая рядом, даже руку протянула и пощупала, здесь ли муж непутевый. Однако на Серегу это шоу впечатление не произвело.

– Кто-то обещал, что у меня глаза на лоб полезут. Федор Леонидович, глаза у меня где? Не на лбу?

– Пока нет, – улыбнулся Академик.

– Вот это еще,

– Мишка выложил черный браслетик на стол, сняв его с руки. – Ма, борщ опять недосолила. Соль есть?

– Ох, забыла взять,

– всплеснула руками Катюша.

– И что это за штуковина?

– Серега постучал черенком ложки по столу. – Не отвлекайся, гурман.

– Блин, – скис Мишка. – Накопитель это МЭЭ.

– Чего меее?

– передразнил его Серега.

– Магической энергии накопитель.

– И зачем копит он эту ме? Что делать с ней потом?

– Потом можно этот браслет на руку одеть и всякие фокусы показывать. Летать и всякие предметы сотворять.

– Ты чего несешь?

– Серега даже про борщ забыл. – Как это "сотворять"?

– Ну, силой мысли и воли, – пояснил Мишка и надел браслет на руку.

– Ну-ка! Тут кому-то соли мало было. Давай покажи!

– ехидно ухмыльнулся Серега.

– А точно ведь, – обрадовался Мишка и, зажмурившись, зашептал: – Соль, со-о-о-ль, со-о-о-о-ль. Давай!

И не успел он договорить это свое "давай", как откуда-то сверху, рядом с Серегиным креслом рухнул здоровенный мешок, килограммов на пятьдесят. От удара джутовая ткань лопнула и из дырки на пол потек ручей крупнозернистой, поваренной соли.

– Ну вот, что за гигантомания у тебя, Мишка? Там коробок спичек размером с шифоньер на пол уронил, здесь заместо солонки, мешок, – укоризненно покачал головой Петр Павлович. Все остальные, кроме Силиверстовича, молча уставились на лопнувший мешок с солью. Тихоновна испуганно перекрестилась и зашевелила губами. – "Молитву Честному кресту зачитывает", – понял Мишка по артикуляции.

– Как это?

– Серега с опаской ткнул пальцем в мешок.

– Передай, пожалуйста, соли немного. И рот закрой, глаза со лба тоже прибири. Леонидович, затолкай ему их обратно, смотреть страшно, – рассмеялся Мишка в ответ.

– Это что МЭЭ?

– Серега опять ткнул пальцем в мешок.

– Ну да. Браслет усиливает способности магические, заложенные в каждом с рождения.

– Это что? И я так смогу, если этот браслет надену?

– Наверное. Паучок нам объяснил там, что у каждого человека есть коэффициент этих способностей. Меньше единицы ни у кого не бывает. "Прапор" любой может тестирование провести. Пару глупых вопросов задает, и число коэффициента называет. У Павловича с Силиверстовичем почти двойки.

– А у тебя?

– У меня чуток по больше. Хотите, вон "Ваня" протестирует. "Ванюш", где ты там бродишь?

– окликнул Мишка служивого.

Прапор выскочил в проход и откозырял уже привычно, не вызывая улыбок.

– По вашему приказанию прибыл.
– Тестирование на магические способности проводи всем, кроме вот нас. Мы уже прошли, – поставил ему задачу Мишка.
– Кто желает первым, Господа? – приступил к ее выполнению «прапор» с вопроса.
– Ну, я давай,
– Серега отложил ложку и, зачерпнув соль пустой кружкой, поставил ее перед Мишкой. – Извини, забыл. Кушай на здоровье.

В течение пяти минут все оставшиеся прошли тест, который установил, что коэффициенты у всех примерно одинаковые и разница не превышает двух, трех десятых. А уровень не превышает у всех двойку.

– Ну и что это нам дает?
– Серега взглянул на Мишку.
– Без браслета ничего, потому что МЭ этой в атмосфере очень мало. Браслет ее аккумулирует и то очень долго. Чтобы потом всего час или два работать, 240-к часов собирает.
– Ну-ка, дай попробовать,
– Серега протянул руку и Мишка вложил ему в ладонь другой браслет, вынув его из кармана.

– И сколько там их в запасе?
– Шестидесят.
– Почему недокомплект? – тут же врубился в цифирь, непривычно сочетающуюся, Серега.

– Шесть эксклюзивных хранятся отдельно на шестом уровне у Рерюфа в резиденции. Костюмчики, кстати, у него тоже "эксклюзивные".

– Понял,
– Серега нацепил браслет из черных пластин, соединенных непонятно как, но это "непонятное" тем не менее, растягивалось и сжималось. – На резинках что ли? – Мишка пожал плечами:

– Вроде.
– И что теперь?
– Теперь думай вещь. Представь ее мысленно. Ну и где-нибудь положи. Только живое ничего нельзя, почему то, – Серега закрыл глаза и зашевелил губами. На столе перед ним начала появляться пачка сигарет, но не проявившись как следует, начала деформироваться в зажигалку и из нее в пепельницу. Потом все это безобразие налилось цветами и застыло, как нечто абстрактное. Пепельница зеленого бутылочного стекла была квадратной, а пачка сигарет Кэмэл и зажигалка, торчали из нее, ввязнув наполовину. Зажигалка при этом влипла в сигаретную пачку и была она явно бензиновой, с откидной крышкой.

– Надгробие курильщика, – прокомментировал Петр Павлович. – Идея мне нравится. Серега открыл глаза и изумленно уставился на "надгробие".
– Офигеть. Че ж оно все перемешалось-то?
– Раздельно думать нужно. Сначала сигареты,
– Мишка ткнул пальцем в пачку и она выползла из пепельницы и, отделившись от нее, упала рядом. – Потом зажигалку, – зажигалка повторила путь сигаретной пачки. – Ну и пепельницу потом,
– пепельница крутнулась вокруг своей оси и став круглой, поменяла бутылочный цвет на розовый.

– Ну вот... Такую композицию испортил, – произнес разочарованно Петр Павлович. – А я хотел домой взять и на телевизор поставить.

– Да, пожалуйста, как скажете,

– Мишка махнул рукой и все три предмета опять слиплись вместе, причем еще больше перемешавшись, а пепельница опять стала зловеще-зеленой и коряво-квадратной.

– Спасибо, сынок, уважил,

– Петр Павлович взял в руки "абстрактное надгробие" и принялся его разглядывать.

– Ловко как. Где что начинается, сразу не поймешь. Церетели удавится от зависти, если увидит.

– Ты, я смотрю, там время не терял. Насобачился,

– удивился Серега.

– Да нет, просто у тебя воображение слишком обширное, а у меня бедное. Я сразу про три предмета думать не могу, – отшутился Мишка.

– На ведовство похоже. Ладно ли это?

– Катюша испуганно смотрела на присутствующих.– Не бесовщина ли здесь?

– А ты, Катерина, молитву честному кресту зачти, как вон моя Тихоновна делает, – посоветовал Силиверстович.

– Я серьезно, дядюшка, а вам все шуточки, – обиделась Катюша.

– А им все нипочем,– поддержала ее Тихоновна.– С потолка мешки с солью валяются, курице, ниоткуда возьмишь, а им смешно!

– Да почему же ниоткуда возьмишь? Из окружающей среды. Мы же не в пустоте висим. Ну, что за бабьи страхи? Федор Леонидович, вы-то, что думаете про эту МЭ? – возразил решительно женщинам Петр Павлович.

– Я, Петр Павлович, в таких сферах не эксперт и мое слово не может быть здесь окончательным. Но думаю, что физика этих явлений просто не достаточно изучена, а сверхъестественным выглядит, потому что не привычно. Ограничения опять же имеются. И потом, насколько я знаю, бесы не могут материю творить. Они только страсти в людях распалют. Это силы природные задействуются. Такое мое мнение, но повторюсь, я тут не компетентен. Зачитывай, голубушка, молитву хоть и вслух. Ну и крестным знаменем осени. Проверь, чтобы не сомневаться. Водицы жаль, святой нет. Еще бы и ей окропить, чтобы присутствие бесовское наверняка устранить, – высказал свое мнение Академик.

– Да им и молитвы "Честному кресту" довольно,

– убежденно заявила Катюша и начала нараспев:

– Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его...– дочитав до конца, она попросила Мишку:

– Ну-ка, мил друг, сфокусничай-ка еще чего нито,

– Мишка взглянул на кружку с солью и та, медленно оторвавшись от стола, поплыла в сторону Сереги. Покачалась у самого его носа, будто раздумывая, не разгрузиться ли прямо тут, но Серега, поняв все правильно, заворчал:

– Но, но... Убирайся вон в мешок,– кружка послушно полетела к мешку и, высыпав соль, вернулась опять к носу Сереги.

– А теперь чего надо? – всполошился тот.

– Да вот думаю, может по лбу дать, пока у тебя совсем глаза на лоб не вылезли или сам справишься с потрясением? – заулыбался Мишка.

– Сам, как-нибудь, – буркнул Серега, проводя глазами левитирующую посудину.

– Ну а у тебя что, с допуском на шестой уровень?

– спросил его Мишка, опустив кружку на стол с легким стуком.

– О-о! У меня интересная картинка получилась. Пальчики оближешь. Влез я в систему наблюдения. Прошелся визуально по помещениям. Там не пауки оказывается охраняют, а "Трояны. Целых шесть штук. И выбрал Рерюф тигров. Здоровенные такие. А злощие-е-е. Как только свет врубил, так они заметались в поисках чего бы пожрать.

– А чего они пять тысяч лет жрали?

– А зачем им жрать? Дрыхли они.

– Значит, ты их разбудил? И чего сказали?

– Сказали, что кроме главного босса никого не признают, ну и еще пятерых согласны не сожрать. Остальных схавают.

– Весело! Дальше что?

– Попробовал я на фуфло их взять. Не прокатило. Тогда пришлось срочно похороны устроить торжественные всему Совету Старейшин и вводить новых, взамен "почивших в бозе".

Само собой и Рерюфа зарыл, со всеми почестями. Информацию довел до "Троянов", потом следующими числами провел новый состав Совета Старейшин и теперь все здесь присутствующие – Старейшины. Даже женщины.

– А кто главный у нас, заместо Рерюфа этого?– спросил внука Силиверстович.

– Ну, я... Чтобы никому не обидно было или наоборот, чтоб не отнекивался, провел демократичные выборы главы. Путем жеребьевки, – скромно опустил глаза Серега, зыркнув ими предварительно в сторону Мишки.

– И кто "счастливчик"?– забеспокоился тот, заерзав в кресле.

– Угадал, – хохотнул Серега.– Ты самый и есть.

– Не-е-ет, я не согласен! Это не демократия! Это называется "без меня, меня женили"! Требую провести жеребьевку снова, в присутствии всех незаинтересованных сторон, – заорал возмущенно Мишка.

– Поздно, я уже вбил тебя во все документы государственные. Принимай казну и большую государственную печать. А так же кирку и лопату, т. е. скипетр и державу,

– Серега радостно потер ладони.

– Ничего... Переделаешь. И вообще я предлагаю, батюшку, назначить главным Эсэсовцем,

– Мишка перевел, по его мнению – удачно, стрелки на отца и удивился, услышав не менее возмущенную тираду, которую тот тут же и выдал:

– Что-о-о? Меня Российского офицера? Нет уж, сынок, назвался груздем вот и беги...

Не пищи.

– Федор Леонидович, да что же это они творят?! Задолбали. У меня вон семейство того и гляди увеличится. Мне только этого, Эсэсовского главного кресла не хватает, чтобы руки на себя наложить. Скажите им. Креста на них нет! – совсем упал духом Мишка, обратившись за поддержкой к Академику.

– Ну, что вы, господа, и в самом деле? Должно быть по справедливости. Предлагаю переголосовать главное кресло бюрократическое, – поддержал его Академик, явно сочувствуя искренне.

– Никаких голосований,– заартачился Серега.– Жребий пусть все решит. Положимся на Провидение высшее. Это будет правильно.

– Ну, хорошо, как будем "жеребиться"?– смирился Мишка.

– А бумажку одну с надписью "генсека" делаем, остальные пустые. Кто "генсеку" тянет, тот и король в этом королевстве подпольном,– предложил Серега.

– Ладно уж, давай,– согласился Мишка и Серега быстренько нарезал восемь полосок бумаги и написав на одной из них, крупными буквами "ГЕНСЕКА", скрутил все их в трубочки и бросив в шлем, потряс:

– Ну-у. Кручу, верчу, озолочу. Кто первый? Налетай!

– руки присутствующих потянулись к шлему и, последним в него влезла Мишкина рука.

– А где бумажка-то?– удивился он.– Кто две взял?

– Я, Мишань, тебе и себе. Ты не волнуйся у меня рука легкая. Вот... Любую возьми, – протянула ему заботливо на ладошке Катюша две скрученные бумажки.– Сереня, наверняка, сейчас эту "ГЕНСЕКУ" себе развернет.

– Нет, не угадала, Катенька, у меня пустышка,– Серега показал чистую полоску с обеих сторон.– Чего ждем? Разворачивайте уже, счастливичики,– пустышки оказались и у остальных. Мишка с Катюшей уставились с отвращением на бумажные рулончики, которые они сжимали в руках.

– Та-а-ак! И кто же? Давай, давай,

– Серега потянулся нетерпеливо к Мишкиной бумажке.– Помочь?

– Изыди,– зыркнул на него глазами Мишка и медленно развернул листок.

– Бл-и-ин!!!– взвыл он.– "ГЕНСЕКА"!

– Ну вот, "есть правда на Земле и выше тоже есть",– Серега облегченно вздохнул.– Уфф!

Не нужно целых два часа переделывать документы. Вот он наш новый главный, Светозарный Михаил.

– Что? Какой?

– Светозарный. Нужно было как-то провести посвящение с присвоением имени. Инициация с иунагурацией. Во как. По бумагам ты – Светозарный Михаил – 1-ый.

– А фамилию мою ты куда дел?

– Фамилия, как положено, присутствует. Полное имя. Светозарный Михаил-1-ый Соболев Обул-Факт Омар Хайям ибн Петрович.

– Долго думал? – скривился Мишка.

– А чего тут думать? Не крестиком чай вышивать?– хитро скосил глаза на Катюшу Серега.

– Лучше бы ты крестиком вышивал,– вздохнул Мишка.

– Способностей у меня к этому нет никаких,– развел с сожалением руками Серега.

– Ничего "не умеешь – научим, не хочешь – заставим". Катюш, научишь Серегу вышивать?

– Да я бы с нашим удовольствием, только он ить, как с шилом в одном месте, не сидит. Вышивка она ведь чего более всего требует? Терпения и усидчивости. Нет уж, пусть живет неучем.

– Правильно, Катенька. Ну, какая из меня вышивалка? Да и зрение совсем никудышным стало. Вон видишь, Миш, над дверью дракончик язык высунул?

– Тот, который с пастью открытой?

– взглянул Мишка в сторону двери, разглядев там несколько сказочных персонажей.

– Да.

– Вижу.

– А я нет. Так что уж избавьте от этого занятия высокоинтеллектуального. Айкью у меня негодящее для этого, – хохотнул Серега довольно.

– Чего у него негодящее? – не поняла Катюша.

– На голову, говорит, слаб. Тормоз – одним словом,

– перевел Мишка и, мрачно взглянув на Серегу, спросил:

– Правильно изложил?

– Да ну тебя, Миха, – примирительно взглянул на него тот.– Жребий же был. Чего ты надулся, как мышь на крупу. Промысел же высший тут явно, а я всего лишь орудие послушное вроде как.

– Ладно, проехали, – вздохнул Мишка.– Давайте уже обедать, вон все остыло совсем.

После обеда все, не сговариваясь, полезли примерять комбезы. Даже Тихоновна, рассмешив Силиверстовича, ушла в соседний бокс и вернулась, облачившись в свой комплект, и стала похожа в нем на 15-ти летнего подростка.

– Ну, старуха, лет пятьдесят сбросила. На пацана похожа, в этом прикиде,– принялся вертеть ее Силиверстович.– А ежели браслет нацепишь, то ведь и полетишь наверняка. Ну-ка, племян, дай-ка тетушке попробовать.

– Держите, Агафья Тихоновна. Поосторожнее с ним. Он мысли материализует, – протянул Мишка браслет.

– Так, а что нужно сделать, чтобы полететь?

– Тихоновна покрутила браслет и надела его на правую руку.

– Думайте, представляйте, что висите в воздухе и все,

– подсказал Мишка. Тихоновна, закатила глаза под потолок и даже высунула кончик языка от усердия, но от пола не оторвалась, зато тарелки грязные и кастрюля с борщом буквально взвились в воздух и, гремя ложками, понеслись в сторону дверного проема.

– Ой!

– Тихоновна испуганно вскрикнула и, не долетев до выхода из бокса, "перелетная стая" из посуды, обрушилась на пол, гремя и разлетаясь в разные стороны.

– Ты чего это, мать?

– Силиверстович увернулся от летящей ему в голову ложки и даже умудрился поймать кастрюлю.

– Вот несчастье-то, – запричитала Тихоновна. – Ну, его к шутам браслет этот ваш. Начала думать, чтоб полететь, а потом вспомнила, что посуду надо мыть,

– Тихоновна сняла браслет и положила его на стол.

– Я уж ногами как-нибудь похожу. Вон молодежь пушай развлекается, а я за свою жизнь налеталась. В колхозе с вилами, да граблями. Забирай, Мишаня, их там мало и пока они эту МУМУ накопят, а мне так спокойнее,

– Тихоновна принялась собирать упавшую посуду.

– Ба-а, скомандуй "Ваньке" и не ползай сама под столами, – посоветовал Серега, тоже влезший в комбез и набивающий карманы всякой всячиной, необходимой для комфортного существования в реальной действительности. Сигареты, зажигалка, "Перф", "Оспа" ну и т.д.

– Этот функциональнее, ты прав, – признал он, помахав руками.

– Абсолютно не стесняет движения, а в режиме нейтральном похож на современный супермодный костюм. Типа "милитари". Я тут недавно в лавку оружейную заглянул. Чего только не навезли. Даже каску натовскую можно купить. Или униформу "Бундесвера". Чем-то похоже, кстати, по покрою. Там карманов, правда, меньше. Интересно, какие комбезы у шестерки главной?

– "Эксклюзивные" какие-то и браслеты там более мощные. Усиливают коэффициент пользователя в 200 раз.

– Что-о-о? Ты представляешь мощь?

– Я спросил у "прапора". Говорит, что Рерюф в таком костюме мог 106-ть тонн на высоту километровую поднять.

– Офигеть,

– Серега присвистнул. – А своей, у него сколько было?

– 10,6-ть.

– Значит я со своими – 1,75 – тонну семьсот пятьдесят могу поднять?

– Наверное. Спроси вон сам у "Вани".

– Вань, сколько?

– Так точно, одну тонну семьсот пятьдесят килограмм на высоту сто метров.

– Э-э, какие сто метров? Почему не километр?

– Мощность прямо пропорциональна весу и обратно пропорциональна расстоянию.

– Это он чего сейчас сказал? Кто-нибудь переведите?

– Вань, по-проще изъяснись, – попросил Мишка "прапора", – и тот, фыркнув, «изъяснился проще»:

– Чем больше плевков, тем дальше летит.

– Так бы сразу и сказал, а то прямо, обратно. Куда идем, господа?– удовлетворился ответом Серега.

– Понятно – в "логово". Любопытно взглянуть,

– Петр Павлович подтянул поясной ремень.– А вы, Федор Леонидович, с нами или здесь останетесь с женщинами?

– А с чего ты взял, что мы останемся? Я почто в этот ваш комбинезон вползала телесами? Чтобы посуду в нем мыть? Мы все пойдем. И никаких возражений,

– Нина Андреевна, таким же движением, как и только что муж, затянула потуже поясной ремень. И даже выражение лица у нее при этом сделалось таким же. Волевым и непреклонным.– Логово, так логово. Где моя самая большая граната?

– На, – сунул ей в протянутую руку поварешку, поднятую с пола, Петр Павлович.– Стучи тиграм по бошкам. Если они до этого от одного только твоего вида со смеху не помрут.

– Что-о-о? – возмутилась Нина Андреевна и треснула поварешкой мужа по спине.

– Какой полезный комбинезон для семейной жизни,

– тут же сделал вывод Петр Павлович, отнимая у разбушевавшейся жены "холодное оружие".– Дам, дам тебе гранату, успокойся.

– Ну, все – так все,– Мишка обнял за плечи Катюшу.– Ты пояс-то посвободнее сделай.

– Да куда ж еще? Все!

– Заскочим на четвертый уровень, женщинам подберем обувь. Я размеры не знал, поэтому здесь только для мужчин, – уточнил маршрут предстоящей экскурсии Мишка.

На четвертом уровне, пока он гонял "прапора" за ботинками для дам и Федора Леонидовича, Петр Павлович сбегал в бокс напротив и притащил супруге, как и обещал, гранату. Молча подошел и сунул ей колотуху с ручкой в накладной карман брюк. Весила граната видимо прилично и от неожиданности Нину Андреевну перекосило.

– Ты что это, старый дурень, суешь эдакую тяжесть, не предупредив? У меня ноги подкосились. Самая большая это что ли? – возмутилась она.

– Самая. Нравится?

– Нина Андреевна с трудом вытасила гранату из кармана и поставила ее на пол.

– Килограммов пять. Эта... Для чего же предназначена? И как ее включать?

– Это тебе не газовая плита, чтобы включать,

– проворчал Петр Павлович.– Откуда я знаю, как и для чего? Может, чтобы сработала, нужно поставить на пол?

– Нина Андреевна поспешно схватила гранату обеими руками и прижала к груди.

– А может нужно двумя руками сжать перед собой и зубами поклатать над ней, вот как ты сейчас?

– продолжал издеваться над женой полковник.

– Ну, Петька,– рассердилась Нина Андреевна.

– Издеваешься над слабой женщиной? На-ка вот, держи свою железяку, швырнула она мужу болванку и тот, уклонившись, весело расхохотался. А болванка загремела о стеллажи, приводя в панику, выскочившего "прапора".

– Господа, господа, ну я же просил. Собственность казенная, инвентарная. Срок службы не истек. Осторожнее ради всего святого! – запричитал он голосом Федора Леонидовича.

Все кроме Академика покатались со смеху, а тот растерянно озираясь, спросил у хохочущей Катюши:

– Я что-то пропустил? Чего это все развеселились?

– Так, служивый, же вашим голосом заговорил, Федор Леонидович, – захохотала еще заливистой Катюша.

– Да-а? Это что у меня такой голос? – улыбнулся недоверчиво Академик. Развеселив компанию этим вопросом еще больше. Даже стеллажи задрезжали.

– Отставить смех!– рявкнул голосом Петра Павловича "прапор" и укоризненным голосом Тихоновны добавил.– Как детишки сопливые, Господи помилуй,– тут уж и Федор Леонидович проникся и залился веселым смехом, тыкая пальцем в паука. А тот, схватив гранату, уволок ее в дверной проем и, вернувшись, доложил смеющемуся Петру Павловичу:

– Муляж, индекс/*****/, возвращен на экспозиционное место в соответствии с реестром,

– и тот махнул рукой.

– Свободен, боец. Ну, Серега!!!

– Муляж, значит?– возмутилась Нина Андреевна.– Это, значит, я как дура таскалась бы с этой железякой бесполезной? Ну, Петька, держись,

– Нина Андреевна хлопнула в ладошки, активируя "Завесу".– Сейчас я научу тебя, твое благородие, светским манерам.

– Нинок, ну не надо так переживать, не нервничай. Виноват, признаю. Сними эту хрень. Для здоровья вредно, – попятился от нее по проходу Петр Павлович.

– Для твоего, она сейчас вреднее, – наступала на него Нина Андреевна.

– Так я и говорю про свое, – согласился Петр Павлович, пятась.– Мишка, угомони мать.

Рискуешь иначе осиротеть.

– Ма-а-а,– заорал Мишка.– О внуках подумай, как они без деда расти-то будут?

– Вот, вот! Слышишь, что молодежь говорит, Нинуль?– Петр Павлович расцвел в улыбке.– Мир?

– Мир. Только ради внуков. Ох, Петруша, веревки вьешь ты из меня слабой и беззащитной. Погоди, вот внуки появятся, вырастут и тогда уж отольются тебе котяре мои слезки. Отомстят.

– Это как так? Мои внуки? Мне? – опешил Петр Павлович.

– Тебе, тебе. Пока ты в тирах этих на тигров электрических охотишься, я их воспитаю как нужно.

– Вот, значит, какая ты коварная? Четверть века прожили, и не подозревал!– изумился Петр Павлович.

– Магушка, простите батюшку. Он хороший!

– присоединилась к Мишке Катюша.

Нина Андреевна похлопала в ладоши. И засмеялась:

– Испугался? Ладно уж, кто старое вспомянет – тому глаз вон, а кто забудет – оба.

– Вот и славно, – обрадовался Мишка.– Идемте что ли?

– Давай, Светозарный Обул-Факт, веди в свои хоромы,

– Серега вытер слезы выступившие на глазах от смеха и ткнул пальцем в кучу спичечных коробков, прибранных "прапором" аккуратно в углу.– Твоя работа?– Мишка молча кивнул.

– А Павлович говорил, что размером с шифоньер.

– А он его потом разобрал на мелкие коробки,

– объяснил Петр Павлович.

– Как это разобрал? – не понял Серега.

– А вот так,

– Мишка махнул ладонью в сторону спичечной горы и она спрессовалась в один здоровенный короб. Мишка снова махнул и "шифоньер" рассыпался опять на мелкие коробки.

– Ну вот, опять собирать,– недовольно проворчал, вынырнувший из-под стеллажа паук.– Собирал, собирал... И опять!

– Извини, служивый,

– Мишка махнул рукой еще раз и коробки упорядочились в идеально правильный кубик.–

Так лучше?

– Вот спасибо, уважил на старости лет,

– удовлетворенно просипел паук голосом Силиверстовича и полез, кряхтя под стеллаж, сопровождаемый очередным взрывом хохота присутствующих.

– Что-то мы развеселились сегодня,

– Тихоновна застегнула последнюю липучку на ботинке и, топнув ногой, одобрительно заметила:

– Удобно.

– А у нас сегодня же пикник, так что в самый раз настроение. Сейчас еще на экскурсию в апартаменты Михайловы сходим, посмотрим как самый большой допотопный начальник жил. Пади, из золота все?

– предположил Силиверстович.

– Нет, дедуль. Золота там нет вообще. Я даже спросил у Ала почему. Оказывается, золото гасит там чего-то. Я тогда не понял, что за энергопотоки. Подумал, что телефонную связь глючит. Хотя наоборот, проводимость вроде должна улучшаться. А теперь понял, про что он говорил. М-э-э эту аккумулировать мешает. В себя забирает. А потом не отдает. Вернее рассеивает ее как не пригодную для использования. Обереги из него там лепили защитные. Но опять же только чистое золото в качестве оберегов неэффективно. Скомпоновывали там с чем-то. Я поверхностно листнул, ничего не понял и подумал, что эти маги ихние все равно все с приветом были и если я сегодня стану вникать во все эти ихние прибабасы, то и сам крышей поеду. Да и зачем они нам? Мэ – этой практически и нет на Земле сейчас. Земля шандарахнулась 5-ть тысяч лет назад и чего-то там внутри встряхнулось. Вон эти браслетики 240 часов заряжались в допотопные времена, а сейчас, интересно, сколько в наши? Эй, импровизатор, сколько часов заряжается в наше время браслет?

– "импровизатор" высунулся из-под стеллажа и доложил:

– 240 часов в этом времени. 5-ть тысяч лет назад заряжался два часа.

– Ах, вон оно что. А скажи-ка, служивый, почему нельзя живой организм магически создавать?

– Не получилось пока ни у кого, – пояснил паук. – Потому и нельзя.

– То есть "льзя", но невозможно. Например, если я захочу котлету жареную или яблоко там, к примеру?

– Это, пожалуйста, но вкус будет специфический.

– Какой?

– Муляжный. Как вкус картона или бумаги, – уточнил "прапор".

– А цветы если?

– Картон, бумага, – повторил "прапор". – Без запаха.

– На фига нужны цветы без запаха?

– На кладбище, – предложил вариант использования картонно-бумажных цветов Мишка.

– Разве что, – согласился Серега. – Или духами побрызгать. Зато долго, наверное, не вянут?

– Вообще не вянут, – подтвердил его догадку паук. – Рассыпаются через три часа.

– Рассыпаются? А спички вот эти и соль тоже рассыпаться должны?

– Нет – это стабильно, – успокоил "прапор" Мишку, схватившегося за живот.

– Чего ты, Миха, за живот схватился, как будто все 50-т кило съел этой соли? Подумаешь грамм там какой-то.

– А вдруг "рассыпание" это вредно для организма? Понесет туда, куда... Ну, куда короли пешком ходят.

– А куда они пешком ходят? – Катюша заботливо погладила Мишку по плечу.

– Мам, расскажи потом Катюше, куда они ходят. Идти уже давно пора, целый час уже тут торчим, а время уже 16-ть ноль– ноль.

– Расскажу, расскажу обязательно. Ты мне, Катенька, напомни потом. У меня склероз старческий после 25-ти начал прогрессировать, – улыбнулась Нина Андреевна и, подхватив мужа под руку, потащила его к выходу.

– Давай, давай. Ужин скоро.

На шестой уровень лифт опустился, замерев в пластиковом, прозрачном цилиндре. Кабина лифтовая, выполненная из такого же материала, оказалась стоящей посреди помещения овальной формы.

– Ну, и почему не выпускает?

– Мишка постучал согнутым пальцем по пластиковым дверям.

– Идет десяти секундный период идентификации личностей прибывших. Сейчас "Трояны" должны появиться. А вот и они,

– Серега кивнул в дальний конец помещения, в котором уползла вверх стена и в образовавшийся проем прыжками стали выскакивать здоровенные, полосатые зверюги. В три прыжка они подскочили к лифту, и расселись вокруг него, облизываясь и скаля зубы.

– Проголодались киски, – слегка осипшим голосом произнес Мишка, прижимая к себе испугавшуюся Катюшу. – Дальше-то что?

– Потребуют подтвердить полномочия. Вроде бы,

– неуверенно пожал плечами Серега.

– Ты там что, полдня сидел и не знаешь, как тут входят?

– Да мы уже тут, между прочим, – огрызнулся Серега.

– В качестве кого? Еды? Ну, чего расселись, полосатые? Кто старший? – попытался Мишка войти в контакт с «Троянами». Похожие друг на друга зверюги, все одновременно рыкнули и одна "киска", оторвав полосатый зад от пола, покрытого белым и пушистым, даже на вид, покрытием, сделала пару шагов и прорычала на вполне нормальном и понятном русском "разговорном":

– Сегодня я – номер первый.

– Вы что тут по очереди командуете?

– Так точно! – щелкнул себя по боку длинным полосатым хвостом "Троян".

– Что входит в ваши обязанности? – осторожно поинтересовался Мишка и, все замерли в ожидании ответа.

– Охранять и оборонять объект в отсутствии Хозяина. В его присутствии – охранять и оборонять объект и Хозяина,

– промурлыкал "Троян" и блеснув желтыми глазами, плотоядно облизнулся.

– Как зовут Хозяина? – и опять все напряглись в ожидании ответа.

– С сегодняшнего дня Хозяин – Светозарный Михаил – 1-й Соболев Омар Хайям Обул-Факт ибн Павлович,

– растянул пасть в улыбке «Троян», продемонстрировав клыки такой величины, что Тихоновна даже перекрестилась их увидев, а у Катюши затряслись коленки.

– Кто еще имеет право здесь быть? В отсутствии Хозяина и в его присутствии? – продолжил Мишка спрашивать и "Троян", назвал еще пять имен из присутствующих в лифте. Имеющих право беспрепятственно входить в "апартаменты" Хозяина, в его отсутствии. Не упомянув Тихоновну и Нину Андреевну.

– Извините, мест постоянных всего шесть, – влез с пояснением Серега. – Ну, я и решил, что вы наверняка здесь реже всех бывать будете.

– Да нам и без надобности, – обрадовалась Тихоновна. – Правда, Нинуль?

– А мне и Васьки достаточно на кухне, – поддакнула Нина Андреевна с такой поспешностью, что Серега облегченно вздохнул. Обиженных не оказалось.

– С Хозяином или по его распоряжению, как голосовому, так и иным другим способом переданному, может быть здесь любое количество лиц, – закончил "Троян". И опять облизнулся кровожадно.

– Что это вы облизываетесь непрестанно?

– спросил Мишка.

– Программа, – ответил "Троян", тряхнув полосатой головой.

– Прекратить облизываться,

– Мишка нахмурился.

– Есть, – тут же спрятали языки и захлопнули пасти все сидящие вокруг тигры.

– Как открывается дверь?

– Мишка хлопнул ладонью по пластику.

– Магически, – щелкнул №1 себя опять хвостом.

– Понятно,

– Мишка закрыл глаза и перед стоящими в лифте образовался овальный проход, а прямо напротив него в воздухе повис плакат кумачового цвета с надписью кривыми желтыми буквами:

"ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!!!" – Восклицательные знаки торчали в разные стороны, наваливаясь друг на друга, и были похожи на противотанковый Еж времен Второй мировой.

– Грамотей, – хмыкнул Петр Павлович, делая шаг вперед и останавливаясь, так как дорожку ему преградил "Троян".

– Обзовись, – рыкнул тот и поскреб когтями лапы по мягкой синтетике, выдирая из нее лохмотья.

– Соболев Петр Павлович, – послушно назвал полковник, бледнея.

– Проходи, есть такой, – сверкнул глазами "Троян".

– Что это за "фэйс-контроль"?

– Мишка шагнул и встал рядом с отцом. – Эти люди со мной.

– Голосовой или иной другой команды не было,

– оправдываясь, рыкнул "Троян", отходя в сторону.

– Здесь, кроме меня, пятеро тех, кто и без распоряжения имеют право здесь быть. Почему первому же из них ты предъявил требование "обозваться"?

– Не проведена идентификация этих лиц. Только Хозяина, – объяснил "Троян" №1.

– Серега, что за недоработка? – взглянул Мишка на друга и тот в ответ пожал плечами:

– Фиг его знает, не понял, наверное, что-то.

– Внимательнее нужно быть, если не хочешь стать отбивной. Зубищи видел?

– Нормальные такие... – подтвердил качество зубов Серега.

– Эй, охрана, провожу идентификацию, – Мишка перечислил всех поименно и закончил:

– Эти лица имеют право беспрепятственно проникать в мою резиденцию, без предварительного согласования и дополнительного распоряжения, на весь период пока я здесь Хозяин. Все. Вы обязаны выполнять их приказы, распоряжения и просьбы, как устные, так и письменные, в любое время дня и ночи где бы то ни было. Как мои собственные. Понятно?

– Так точно, – рывкнули в шесть глоток тигры – "Трояны".

– Энергозатраты чем восполняете? – поинтересовался Мишка. "Трояны" дружно облизнулись.

– Любой органикой. Предыдущий Хозяин выпускал поохотиться ночью, – №1-й облизнулся и мечтательно закатил глаза к потолку на висящий плакат.

– И на кого разрешалось охотиться?

– Ограничений не было, – оскалился Первый номер.

– И каким образом вы попадали наверх?

– Лифтом №2.

– Еще лифт есть?

– Да.

– Он исправен?

– Да.

– Куда выходит?

– Разрешите видео демонстрацию?

– Давай,– разрешил Мишка и Троян прыгнул к стене слева от выхода из лифта, хлопнув лапой, очевидно, по клавише включающей видеоэкран. На стене при этом засветилась точка, заискрив белыми сполохами и затем она резко увеличилась, заливая помещение всеми спектрами цветовыми, а стена пропала от проема, через который примчались "Трояны", и до такого же но запертого с противоположной стороны эллипса. Взгляду при этом открылся унылый, горный пейзаж.

– Знакомые места, – прокомментировал Серега.– На кого тут вообще можно охотиться?

– Пустынно,– согласился Первый номер и снова хлопнул лапой по тому же месту.– Змеи ползают, кустики имеются, травка. Энергозатраты вполне возможно пополнить.-

Пейзаж тем временем, дрогнул и поплыл навстречу, увеличиваясь стремительно в масштабах. Ощущение полета испытали все присутствующие, а Катюша, стоящая рядом с Мишкой, крепче прижалась к его локтю. Наконец "полет" виртуальный закончился, и весь экран заполнил огромный камень-булыжник. Троян снова хлопнул лапой и булыжник, плавно сдвинувшись с места, уполз в сторону.

– Лифтовая шахта №2,– прокомментировал "Троян", возвращая камень на место и пейзаж, мигнув, восстановился в первоначальном виде.

– До Мазари-Шарифа расстояние какое?– спросил Мишка, вглядываясь в белесое небо, с проплывающими по нему редкими облачками.

– Пять километров,– получил он ответ.

– Откуда ведется наблюдение?

– Высота 1316-ть. Видео комплекс выведен и проверен на соответствие техническим нормам 28 суток назад.

– Давно, значит, уже наблюдаете? И что, уже выходили наверх?

– Так точно – дважды.

– Чем восполнили энергозатраты?

– Трава, кустарник.

– Люди не попадались?

– Нет, к сожалению,– мурлыкнул "Троян"№1-н.– Далее ста метров отходить от лифтовой шахты запрещено.

– Вот бы жители города обрадовались, если бы не запрет, – прошептал тихо Серега. И напрасно шипел, потому что слух у "Трояна" оказался отличный.

– Запрет не рационален,– сокрушенно вздохнул первый номер.– Хозяин, может, расширим поле выпаса?

– С охватом городка?

– Мр-р,– облизнулся "Троян".

– Обойдетесь. Более того, с сего дня запрещаю употреблять живую органику,– Мишка поморщился и добавил:

– Кроме змей и насекомых.

– Есть,– опять рывкнули хором "Трояны" и все одновременно прилегли, поджав под себя задние лапы и выставив вперед передние.

– Подо что замаскирована видеосистема?

– задал следующий вопрос Мишка.

– Под старое, надгробие. В лунном серпе размещена,– ответил "Троян"– №1-н.

– Ну, что ж, пока все нормально. Дополнение к регламенту охотничьему. Перемещаться только в ночное время и на глаза людям не попадаться. Кто бы ни забрел. Сразу срочная эвакуация. Скрытная. Ясно?

– Так точно,

– рыкнули "Трояны", мотнув мордами.

– Командование "по очереди" отменяю. Назначаю тебя, Первый, Первым навсегда.

– Есть,

– ощерился кровожадно Первый.

– Номера тоже отменяю. Ты будешь теперь зваться Васькой,

– Мишка улыбнулся, вспомнив питерский прототип.– С окрасом тоже что-то делать нужно. Однообразие это угнетает. Разнообразить оттенки и частоту полос.

– Есть,

– "Трояны" завертели бошками и "потекли", меняя слегка окрас шкур и разнообразя полосы.

– Совсем другое дело. Индивидуальность появилась. Вы, своим имена сами придумывайте,

– повернулся Мишка к спутникам.– Выбирайте кому, который нравится. Катюнь, ты какую кису возьмешь?

– Ой,

– Катюша растерялась, застигнутая предложением врасплох.– А это обязательно нужно?

– Да как хочешь. Просто один останется бесхозным и без имени.

– Хорошо, я вот этого возьму,

– Катюша ткнула пальчиком в ближайшего тигра.

– Подойди,

–скомандовал Мишка "Трояну" и тот вскочив, приблизился.

– Имя, Кать?

– Пусть будет Киса,

– попросила девушка.

– Ты теперь Киса. Это твоя Хозяйка. Как понял?

– Да чего тут не понять? Хозяйка. Как обращаться к Хозяйке?

– Госпожа, Екатерина,

– брякнул Мишка.

– Мишань, зачем так барски? Пусть проще. Катей пусть зовет?

– попросила, покраснев Катюша.– Не привычна я к "госпожам".

– Как хочешь. Пусть проще. Тогда пусть Катенька будет,

– согласился Мишка и, махнув рукой, убрал висящий над головой плакат с противотанковым ежом из восклицательных знаков.

– Давно пора,

– проворчал Петр Павлович,– грамотей.

А "Троян"– Киса, тем временем шагнул к Катюше и, лизнув руку, прилег у ее ног.

– С двумя определились. Разбирайте остальных и потом можно, наверное, осмотреться в апартаментах. У каждого теперь свой экскурсовод. Пойдем, Кать, посмотрим квартирку?– Мишка обнял жену за плечи.

– Пойдем, – улыбнулась Катюша.

– Васька, показывай, что здесь к чему, – обратился Мишка к «Трояну», и тот с готовностью вскочил на ноги. Васька добавил себе коричневых полос, причем одна из них пересекла его морду прямо через левый глаз, сделав ее слегка похожей на пиратскую.

– Тут что все помещения овальные? – спросил Мишка, входя следом за Васькой в коридор, овальной трубой, уходящий в полумрак.– Свет почему не горит?

– Помещения выполнены в одной геометрической форме. Свет загорается автоматически, – промурлыкал Васька, повернув свою пиратскую морду в сторону Мишки.

Точечного освещения как такового не было, светился потолочный верх эллипса на ширину ладони и по мере продвижения по проходу, потолок наливался светом впереди, метров за пять до идущих.

Шириной эллипс был метра три, высотой метра четыре. Однако быстро закончился, упревшись в очередную дверь.

– Странный проход,

– пожал плечами Мишка.– Хоть бы картинку какую повесили. Почему голые стены?

– Предыдущий Хозяин страдал Астмой, а на картинах пыль скапливается, и уборка ее затруднена,

– ответил Васька с нотками сожаления в голосе.

– Хоть бы выкрасить тогда приказал, как-то повеселей. Что за серые тона?

– Хозяин предыдущий страдал дальтонизмом, и ему было все равно, какие оттенки, – промурчал Васька.

– Чем еще страдал предыдущий Хозяин? Давай уже все его хвори выкладывай сразу, чтобы нам не удивляться.

– Эпилепсией, катарактой глаукомы, бронхальной астмой, дальтонизмом стопроцентно, ну и так кое-что еще по мелочам, – перечислил Васька.

– Ходячая медицинская энциклопедия, короче,

– сделал вывод Мишка.– Что за дверь?

– Личные покои.

– Открывай, – створки дверные уползли в стены и Мишка с Катюшей вошли в холл опять же овальной формы. Серые стены, пушистый пол, минимум мебели. Пара кресел и прозрачный столик между ними.

Овал десять на пятнадцать был без окон, но зато дверных полотен, овальной формы оказалось пять.

– Спальня, санузел, бассейн, кухня, кабинет,

– перечислил «Троян».– Слева направо.

– С чего начнем, Кат? Может со спальни?

– Так, а чего ж. Можно и с нее, – согласилась Катюша. Створки дверные уползли в стены и свет вспыхнувший, осветил комнату вполне квадратную на первый взгляд, видимо из-за довольно скромных размеров. Метров двадцать квадратных не более. Только присмотревшись к углам можно было понять, что стены здесь все же эллипсные, также как и в холле, просто из-за большого радиуса это не сразу бросалось в глаза.

Стены спальни, однако, оказались отнюдь не серыми, как предполагал Мишка, а нежно-зеленого цвета.– Спартанец этот Рерюф был, – сделал вывод Мишка, останавливаясь у ложа, похожего на медицинскую кушетку, разве что пошире ее раза в два.– Жесткая к тому же,

– Мишка постучал по пластику рыжего цвета кулаком.

– Это мое ложе, – мурлыкнул Васька и запрыгнув на кушетку, тут же и продемонстрировал ее достоинства. Киса, следующая сзади, сунула любопытную морду между Катюшей и Мишкой, полюбопытствовав:

– Не жестко?

– Нормально, – оскалился Васька.

– Ну а где изволил почивать Рерюф?

– Мишка недоуменно оглядел пустое помещение.

– Рядом, – Васька спрыгнул с кушетки и, не останавливаясь, ушел в стену напротив, только хвост мелькнул и пропал в зелени стены.

– Лихо, – Мишка протянул руку, и она не встретив сопротивления, исчезла по локоть. – Голограммная стена что ли?

– Ну да, – голос невидимого Васьки прозвучал совсем рядом, и Мишка шагнул в стену, увлекая за собой слегка упирающуюся жену. За голограммной фальшь стеной оказалось еще одно помещение размерами особенно не отличающееся от предыдущего, но отличающегося обстановкой. Назвать ее спартанской, уж никак бы язык не повернулся. Ложе, занимающее половину помещения, впечатляло. И стены здесь были, почему-то все разного цвета. Фальшь стена естественно зеленая, остальные справа налево, желтая, голубая и розовая.

– Вот уж действительно дальтоник. Он что не видел, чего ему тут налепили? – пожал Мишка плечами, рассматривая лежбище Рерюфова. Даже рукой потрогал.

– Что-то мягкое, синтетическое. А балдахин этот, за каким хреном?

– Это не балдахин, – проворчал Васька. – Это последняя ступень безопасности Хозяина.

"Троян" ляпнул двумя лапами по низкой спинке кровати и вокруг нее заструился едва видимый глазом свет, голубоватого цвета.

– Абсолютная безопасность. Ноу Хау. Непреодолимое препятствие, – принялся расхваливать достоинства "кроватьной завесы" тигр.

– Дезактивируется как.

– Только голосом Хозяина. Более ни как.

– Сезам откройся что ли?

– Можно и так, – подтвердил Васька. – Свернись, пропусти, выключись, вырубись. Глагол повелительного наклонения.

– Вырубись, – скомандовал Мишка и свет исчез. – А вентиляция при этом как осуществляется?

– Нормально осуществляется, еще и фильтруется воздух от вредных газов.

– Однако! Очень этот Рерюф за свою жизнь драгоценную переживал, – сделал еще один вывод о предшественнике Мишка. – Постельное белье кто ему менял?

– Автоматика,

– Васька тихонько свистнул и из-под кровати выполз вполне привычный уже "прапор".

– Горничная, значит, имеется. А что еще есть тут, чего мы не видим?

– Слева от ложа – туалет. Справа костюмерная,

– Васька перемахнул через ложе и пропал в очередном глюк-проходе.

– Мишань, тут если пожить какое-то время, то начнешь потом в стены нормальные лбом стучаться,

– Катюша улыбнулась вымученно. Ее видимо подавляла обстановка "чужого" жилища.

– Холодно и неудобно здесь как то, – пожаловалась она.

– Васька, а в привычный глазу вид нельзя привести проходы? – Мишка шагнул вслед за "Трояном".

– Безопасность понизиться на – 50%-в, – высунул пиратскую морду из стены Васька.

– Плевать. Убирай.

– Есть убраться, – Васька выскочил из стены и исчез в зеленой за спиной. Через пять секунд голограммы исчезли и по углам проявились проемы, закрывшиеся тут же выползшими из стен полотнами, вполне деревянными на вид. Смежное помещение с лежанкой для "Трояна" так же отгородилось от спальни Хозяина вполне привычными для глаза створками дверей. Васька появился еще через пять секунд и доложил:

– Распоряжение выполнено, разрешите продолжить ознакомление?

– Продолжай,

– Мишка вошел вслед за «Трояном» в гардеробную и остановился на пороге помещения длиной метров пятьдесят. Проход в полтора метра шириной тянулся мимо уже привычных прозрачных стеллажей, шкафов и отсеков. Все они были заполнены одеждой и обувью. Мишка

с Катюшей не спеша прошли по всему проходу, рассматривая гардероб, провисевший и простоявший пять тысяч лет, и выглядевший так будто его только что сшили и развесили здесь.

– Вот куда ему одному столько барахла?– удивился Мишка.– Тут же тысячи костюмов, балахонов и башмаков.

– Всего 999-ть единиц хранения согласно реестру,– откликнулся "Троян".– Половина обрядовая и церемониальная.

– Да я вижу. Вон балахон с этой гирей неподъемной висит,-

Мишка сдвинул пластиковую дверку и, достав из шкафа мантию, расправил ее и принялся рассматривать причудливые рисунки, явно вышитые руками и изображающие затейливые узоры, орнаментально переплетающиеся явно буквы и рисунки зверей, птиц и растений. Мантия была цвета черного, с капюшоном, а вышивка была выполнена разноцветными нитями.

– Ну, в общем-то, довольно забавно и у нас куда-нибудь на карнавал одеть, пожалуй, можно,

– Мишка повесил мантию обратно в шкаф и снял с крюка увесистую цепь с многолучевой звездой на ней.

– Ох, ни фиги. Кило десять. Это же шея отвалится, если часок в ней походить. То-то они ее руками при ходьбе держат. Ребра-то не казенные понятно. Из чего выполнена?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.